

антология
пермской
литературы

Илья
ДОМНИН

МУЗЫКА

ТОКА

избранное

«Голубые цапли (Тишина. Август)».
1979 г. — работа члена Союза
художников России
Константина Собакина.

антология
пермской
литературы

Серия «Антология пермской литературы» —
лауреат премии Пермского края в сфере культуры и искусства
(номинация «Литература») за 2013 год

Издание книги «Музыка тока» (избранное) Ильи Алексеевича Домнина и подготовка её электронной версии в рамках проекта «Пермская библиотека» (www.kulturaperm.ru) осуществлены при поддержке Министерства культуры Пермского края (www.mk.permkrai.ru) и при содействии Пермской краевой общественной (профессиональной) организации Союза писателей России.

На обложке, титульном листе: «Дичь», 1964 г. — работа члена Союза художников России Константина Собакина.

том двадцать третий

Илья
ДОМНИН

МУЗЫКА
ТОКА
избранное

«Пермский писатель»
Пермь • 2017

УДК 821.161.1-3
ББК 84 (2Рос-Рус) 6-44
Д 66

антология пермской литературы • том 23

Илья Алексеевич Домнин
Музыка тока
избранное

Домнин И. А.

Д 66 **Музыка тока:** Избранное. — Пермь: Пермский писатель, 2017. — 104 с. — (Антология пермской литературы; т. 23).
ISBN 978-5-9500749-4-3

Книга «Музыка тока» — это рассказы о природе, об увлечении человеком активным и здоровым отдыхом, о «трудовом досуге» наших земляков на огородах и дачах. О необыкновенном удовольствии, о переживаниях красоты, удачи, приключениях и замечательных знакомствах, которые даёт герою-рассказчику охота и рыбалка.

Рассказы о мире близком, привычном, бытовом открывают нам его непритязательную красоту, в немалой степени исполненную естественной привлекательностью и занимательностью человеческих натур. Особенно красивы рассказы автора о детстве, воспоминания об отце (известном пермском поэте Алексее Михайловиче Домнине).

Стиль повествования, доверительный, искренний, окрашен юмором, доброжелательным и увлечённым отношением автора к окружающему миру. Книга адресована широкому кругу читателей с 16 лет. Но родители, учителя, воспитатели могут найти в книге увлекательные и полезные для развития личности произведения и для детей с 12 лет.

ISBN 978-5-9500749-4-3

9 785950 074943

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

© И. А. Домнин, текст, 2017
© Пермская краевая общественная
(профессиональная) организация
Союза писателей России, 2017
© ПКОО «Пермский писатель», 2017

РАССКАЗЫ

МУЗЫКА ТОКА

Узкий столбик печного дыма из трубы подпирает плоское облачко, ослепительно сияющее в рассветных лучах восходящего за горой солнца. Дятел выстреливает по сушине короткие очереди, эхо от которых далеко разносится морозным воздухом по долине. На опушке Евгений смахнул с усов иней и крикнул от удовольствия. Семь километров привычной лесной дороги, укатанной снегоходами, от железнодорожной станции остались за спиной. Наконец дома!

Деревенька Мутная расположилась на пологом склоне долины вдоль речушки с одноимённым названием. Из восьми подворий деревни четыре заселены постоянно; остальные забираются в летний период или на выходные. Мутная недоступна для почты и медицины так как не имеет приличных подъездных путей. Из благ цивилизации — только электричество. За огородами, ближе к вершине холма, на зарастающие березнячком брошенные поля созерцает пустыми глазницами ржавый комбайн. Местные старушки держатся за свои подворья до последнего. Здесь они родились и не желают быть вырваны с корнями к родне в город в состоянии крайней немощи, чтобы не угаснуть там вскоре.

Речушка, воды которой мутнеют после каждого дождика, вполне оправдывает своё название. Верховья Мутной спрятались в глухой медвежьей тайге. В подошве склона под деревней из земли бьют ключи, обрамленные кое-где срубами — источники чистой водицы.

На вершине холма над деревней возвышается деревянная вышка с площадкой посередине. Это — переговорный пункт.

Только на вершине, на высоте нескольких метров над землей сотовый телефон обеспечивает устойчивую связь.

Женька — опытный лесовик. Он знает, что в изоляции деревни есть своеобразная прелесть: за плетнём на полях живёт пара выводков косачей, которые иногда слетают с огородных грядок. Выше по течению Мутной в соседнем логу живёт старый медведь — «сосед». Его следы Евгений часто пересекал, бродя по лесу с ружьём в поисках птицы. «Мы его не трогаем, и он нас», — говаривает Евгений.

Поток света тёплого апрельского солнца добрался до вершин елей в долине. На лазурно-серебряном небосклоне среди немногочисленных звёзд уместились одновременно запоздавшая луна и восходящее солнце.

Подойдя к своей избушке, Евгений услышал со стороны полей далёкое бормотанье и чуфышканье косачей. «Ужо, я вас завтра потревожу», — улыбнулся Женя и отомкнул избу.

Ещё две недели назад он ранним утром, пока ещё держит наст, вышел на поля и обследовал площадь поблизости переговальной вышки. Поодаль, метрах в сорока от вышки, на полянке с лысиной прошлогодней травы среди невысоких берёз, обнаружил следы пребывания косачей: помёт, пух, перья и цепочки набродов птиц среди деревьев. По всем признакам здесь место тетеревиного тока. С нескрываемым удовольствием Женька обследовал полянку. Вершины окружающих деревьев едва достигают по высоте площадку переговальной вышки. Подошва площадки обнесена досками по колено высотой. «А ведь хорошее место для засидки», — подметил про себя Евгений. Из дома он принёс старый тулуп и пучок сена, предусмотрительно разместил их так, чтоб тетерева привыкли к присутствию фигуры, напоминающей лежащего на площадке человека.

Пока Женя топил печь, погода за окном окончательно разгулялась. Закапала вода с крыш, снег на огороде до слез заис-

крился под весенним солнцем. День пролетел в повседневных заботах. Ближе к вечеру Женька подготовил патроны и улёгся спать пораньше.

Часа в три, ещё до света, Женька поднялся, плотно позавтракал и собрал ружьё. Чтоб не задубеть на вышке в ожидании, он намотал на ноги портянки, сунул в валенки-самокатки, надел ватник и меховую шапку.

Лёгкий морозец куснул Женю за нос. Звёзды перемигнулись с луной. При её свете Евгений добрался до вышки, забрался на площадку. Он улёгся на сено, положил рядом ружьё и накрылся тулупом. Тиха и полна очарования короткая весенняя ночь. Вся природа как бы замерла, затихла в ожидании чего-то нового, волнующего, трепетного.

Зорька засветлела на горизонте; побледнела слегка луна. Из ближайшего леска послышалось урчащее бормотанье первого тетерева. Словно звонкий ручеёк разлилась песня тетерева по округе. Почти сразу из другого места раздалась такая же песня. Ещё и ещё...

Женька прислушивался к окружающему его хору и сквозь щель в досках напряжённо вглядывался в начинавшую рассеиваться темноту. Вот уже стволы деревьев стали угадываться на светлом фоне снега.

Послышался лёгкий шелест крыльев, и на поляну опустилась птица. Судя по оперению и величине — это тетёрка. Сразу же рядом шумно схлопали крылья самца. Тетерев-косач забормотал и белое пятно подхвостья устремилось к объекту ухаживания. Тетёрка, убегая, стала кружить меж стволов, как бы дразня и маня за собой самца, а косач, то останавливаясь, то возобновляя свой бег, продолжал непрерывно бормотать. Его песнь лилась неудержимо, голос дрожал и захлёбывался от страстного напряжения. Тетёрка взлетела на берёзку, а косач продолжал кружить, бормоча, меж деревьями.

Через некоторое время невдалеке послышался шум крыльев и с разных сторон забормотали ещё два самца. Женя не видел их, но по направлению песни можно было судить, что они приближаются к току. Дырка от сучка в доске обеспечили Евгению неплохой обзор. Вскоре стали различимы не только силуэты птиц, но и предметы местности.

Невдалеке, звучно хоркая протянул вальдшнеп. Вторая тетёрка подлетела и села на вершину дерева в другой части поляны. А на поляне уже кружили с самозабвенным бормотаньем три самца, не решаясь приступить к боевым действиям.

Снова с разных сторон послышался шум крыльев подлетающих птиц и, с чужфышканьем на поляну опустились ещё несколько самцов. Громко токуя и высоко подскакивая, косачи перелетают с места на место. Ни на секунду не умолкает страстное бормотание птиц. Ток начался.

Но вот тихо зашелестело под маленькой ёлочкой, и обрисовался тёмный силуэт птицы. Это старый косач, вытянув шею, внимательно прислушивается к звукам весеннего утра. Коротко и громко чужфыркая, он расправил крылья и не торопясь направился к молодым самцам. По его поведению заметно, что старик претендует на роль токовика — тамады тока.

Уже достаточно светло, чтоб рассмотреть его гусарский мундир. Иссиня-чёрное оперение венчают шикарные лиры над белым подхвостьем. Головы самца почти не видать из-за огромных красных бровей. Женька не смел пошевелиться чтоб не спугнуть тетерева в чарующем великолепии брачного оперения.

Краснобровый токовик-лирохвост начал свой танец посреди поляны. То опустив голову ниже косиц, то высоко подняв её с рубиновыми бровями вверх и чертя расправленными крыльями по прошлогодней траве он самозабвенно кружился по поляне. То бурля, то громко и резко чужфышкая, как вспыльчивый

гусар он вызывал на поединок. Молодёжь расступилась к близлежащим кустам. Некоторые убежали бормотать на соседнюю проталину.

Подлетела ещё пара тетёрок. Самочки расселись по окружающим ток берёзкам. Они — хранительницы тока; Женька знал это. Пёстрые тетёрки зорко охраняют ток от недоброжелателей. Если они заметят опасность, то под громкое квохтанье потревоженных тетёрок ток немедленно прекращается.

К середине тока, вальсируя, приблизился претендент; это молодой, но достаточно крупный самец. Токовик издал призывный клич «кэ-кэрр», подпрыгнул, и парочка закружилась по поляне. Шумная потасовка, сопровождаемая хлопанием крыльев, шипением и цоканьем, изредка переходя в напряжённый хоровод, закончилась побегом молодого самца. Второго претендента на продолжение рода ждала та же участь. Тетёрка, сидящая на ближайшем дереве, сорвалась и полетела к лесу в краю поля. Токовик немедленно поднялся и устремился за ней на праздник любви.

Завороженный увиденным, Женька забыл про лежащее рядом ружьё. Стайка уток просвистела крыльями над его головой. Руки и ноги устали от неподвижного лежания на сене.

Край огромного красного диска восходящего солнца показался на горизонте.

Однако свято место пусто не бывает и вот уже очередная пара разгорячённых самцов заняла центр тока в продолжение утреннего спектакля. Священнодействие брачных игр начинается вновь.

Евгений неслышно потянулся, снял варежки и осторожно подготовил ружьё. Когда один из разгорячённых чернышей подвальсировал поближе к вышке, Женя прицелился и нажал на курок. Гимн весне раздавался отовсюду. Звук выстрела потонул в нескончаемом гомоне тока.

Токующий косач не понял, что его соперник уже не опасен и продолжал подпрыгивать, огорошивая лежащего петуха крыльями под громкое чуждыканье. Наконец и он поднялся на крыло за слетевшей в лес тетёркой.

Женька перевернулся на спину, подставив лицо тёплым лучам восходящего солнца. Стрелять больше не хотелось. Достаточного одного добытого петуха. Он закрыл глаза и стал прислушиваться к окружающим звукам. Пара ворон в брачном веселье очертили свои спирали в небе. Пичужки облепили крону ветлы и с весёлым чириканьем скачут между прошлогодними сухими соцветиями.

Скоро ток разлетелся. Ещё пара самцов где-то ближе к лесу осталась бормотать. Евгений слез с вышки, одел на валенки кульки-маечки чтоб добраться до дому с сухими ногами и пошёл подбирать добычу. Средних размеров антрацитовый краснотелый самец приятно оттягивал руку.

Весеннее утро уже разыгралось. Высоко в небе щебечут жаворонки. Осевшие под солнцем почерневшие сугробы мочатся на травку журчащими ручейками. Довольный, Женька направился к своей избушке.

Раздевшись, Евгений улёгся досыпать. Сладкая истома растекалась по уставшему от долгого лежания телу. Едва он закрыл глаза, как в памяти зрительно всплыло зрелище гладиаторских боёв красавцев гусар-чернышей под вдохновенное бормотанье, словно гимн весне.

С ЛЕГАВОЙ ПО ВАЛЬДШНЕПУ

Писк молодого рябчика, доносившийся из леса за огородом, вывел меня из оцепенения; на веранде небольшого

деревенского домика, прихлебывая духмяный травяной чай, я угадывал в причудливых осенних облаках знакомые очертания зверей. Сентябрьское солнце нацелилось на закат.

Небольшая деревенька Боковая окружена пойменным лесом, холмами водораздела с зарастающими полями и тихой, с прохладной водой, рекой Вильва. У Вильвы раньше, при социализме, дно было каменистое; много хариуса удилось. После интенсивной вырубki окружающих лесов летнее русло стало теплеть, поднимается травища со дна, и теперь хариус в летне-осеннюю пору уходит в притоки — Ник, Мутную, Пелуч и их искристо-прозрачных собратьев.

Заалела шиньонами осина; жёлтые берёзы сбрасывают листья. Об эту пору выходит из леса вальдшнеп и под прелым листом в подлеске ищет вкусных козявок-насекомых, накапливая жирок к долгому перелёту на зимовку. До вечерней тяги вальдшнепа ещё часа полтора, а на охоту в подлески — пора!

Моё движение в избу не ускользает от искоса-внимательного взгляда собаки и приводит её в некоторое возбуждение. Пока я беру сапоги и наматываю портянки, Дуняша, уже поскуливая, нервно мечется между дверью и лежащим на кровати ружьём. Процесс одевания и застёгивание патронташа приводит собаку уже в крайнее возбуждение, и, выходя с ружьём из избы, я застаю её «поющей и танцующей» у калитки.

Дуняша (Дуня — по паспорту Джесси) — ирландский сеттер. Ей идёт восьмой год. За её хрупкими «плечами» — два помёта великолепных щенков, увлекательные охотничьи походы за всякой пернатой живностью, «регалии» с выставок охотничьих собак, состязаний и испытаний.

Главные её достоинства — азарт, стремительность, опыт. Она всецело оправдывает звание «подружейной» собаки. В городе Дуня ведёт себя скромно, может быть даже замкнуто; но ощущается в ней предельно сжатая пружина темперамента,

которая стремительно раскручивается в челноке, нарезаемом Дуняшей в поле. Насколько собака скромна в быту, настолько же безудержна она в поле.

До ближайшего березнячка у леса идти минут пять; собака где-то впереди измеряет гектары поля, но я не сдерживаю её — пусть собьёт охотку побегать и при входе в подлесок «включит мозги». Мы идём вдоль овражка, где течёт ручей с чудным названием «Горюн». Он снабжает жителей деревеньки чистой и вкусной водой: напьёшься — и есть не хочется.

Вот уже и места обитания вальдшнепа. Чуть заметный ветерок диктует направление поиска, — я подзываю Дуняшу и надеваю на неё ошейник с бубенчиком. Охоту с бубенчиком я подсмотрел на канале «Охота и рыбалка» по телевизору — как француз достаточно успешно охотился в густом коряжистом подлеске на вальдшнепа. Движение собаки заставляет бубенчик щебетать; а когда собака в стойке — молчок! Это ли не лучший способ ощущать невидимую, порой, собаку. Не то, чтоб до этого я не охотился с невидимой, порой, собакой, — было, но приходилось слушать шуршание листвы на её ходу.

— Даун!

Собака послушно ложится. Традиционной муштровкой перед охотой я даю понять кто здесь главный, чтоб сука не увлеклась, и только потом отправляю собаку в поиск.

Заливчатый звон бубенчика раздаётся то в берёзовом перелеске, то в мелком елушнике вдоль кромки леса, то, следуя правилу челнока, Дуняша выскакивает из опушки и замеряет метров пятьдесят полевого раздолья. Я следую вдоль подлеска в десяти-пятнадцати шагах от кромки.

Но вот внезапная тишина ударяет по ушам — собака работает! По месту прекращения звона я определяю положение собаки перед птицей.

— Пиль!

Я уже слышу недовольное кряхтение взлетающего вальдшнепа и готов стрелять. Вероятность того, что из-под невидимой мною собаки птица вылетит на меня — наверное, половина. Вот и на этот раз птица переместилась вдоль подлеска метров на пятьдесят вперёд. Я мельком видел взмах её крыльев над вершинами берёзок. Дуняша выскакивает из кромки и взглядом спрашивает: «Куда дальше?». Послушно следуя взмаху руки, собака снова уходит в поиск.

Следующего вальдшнепа, скорее всего перемещённого, я, к своему стыду, мажу, но с третьего подъёма — беру! В общей сложности за двадцать минут мы с Дуняшей отработали метров триста подлеска. С семи подъёмов птиц — две покоятся в сумке. Искусного летуна добыть весьма непросто!

На обратном пути Дунька в изнеможении падает в лужу и лакает воду, — увлекательна, но тяжела работа легавой. Я снимаю с Дуняши ошейник с бубенчиком — он более сегодня не нужен.

Обратная дорожка проходит недалеко от уже отработанных угодий, но «Чу!», впереди идущая собака уже стоит в кромку дороги: «Он здесь!». Казалось бы, выбор позиции не оставляет шансов взлетевшему после посылы собаки вальдшнепу..

— Пиль!

Взлёт очень низкий, и я отпускаю птицу на метров на тридцать, чтоб не задеть собаку. Опережая выстрел, вальдшнеп мастерски сваливает влево и... след его простыл! Но работа собаки состоялась и я ею доволен.

Мы проходим мосток через Вильву и углубляемся в высокий осинник, расположенный сразу за старой, заросшей мхом старицей. Густая листва осин не позволяет здесь подниматься подросту, заслоняя от него живительные лучики солнца. Много раз мы с Дуняшей бывали здесь в поисках тугих подосиновиков, по ходу отрабатывая одного-двух вальдшнепов. Здесь живёт выводок. Собаку видно достаточно далеко; отсутствие

ветерка не позволяет работать классикой, но высока вероятность наткнуться на невидимую дорожку набродов вальдшнепа.

Костяника стыдливо краснеет в травке; её кисло-сладкий кулачок ягод тает на языке. Низкий лучик закатного солнца падает на шоколадно-красную шёрстку застывшей в непривычной позе собаки. Словно кто-то нажал кнопку «пауза» на видео и собака застыла в неестественном положении стоп-кадра. Лишь слегка подрагивающие влажные краешки ноздрей выдают жизненность картинки. Есть время выбрать положение для стрельбы, угадав или не угадав направление взлёта птицы.

— Пиль!

Подводка собаки на мгновение совпадает с цепочкой наброда и через мгновение рыжий, ширококрылый вертолёт-вальдшнеп шумно взлетает. Как истребитель, он с креном вправо пытается выполнить вираж за спасительный ствол осины. Гулко звучит выстрел под шапкой красной листвы; вальдшнеп сваливается на полянку невысокой травы.

— Ищи!

Словно включив форсаж, Дуняша бросается в поиск, проскакивает место падения птицы и петляет между осинами. Кажется, азарт бежит впереди неё. При подходе к месту падения я застаю в траве застывшую фигурку пёстро-рыжего пера с влажными глазами и длинным клювиком. Раненая птица прижала к тельцу крылья и лапки, втянула головку, чтоб не выдать себя запахом. Я протягиваю руку к птице, но меня опережает собака. Прикусив раненую птицу, она уже лежит на траве в ожидании продолжения.

Второму вальдшнепу повезло — он после подъёма быстро скрылся из вида, не дав охотнику даже поднять ружьё.

Солнце закатывается за острые вершины елей на вершине водораздела.

Выход удался! Уставшие и довольные я и Дуняша возвращаемся домой с добычей в сумке на плече. Сегодня ещё тяга впереди, потом банька и завтра с утра снова в поле: знакомый подсказал, где вчера видел выводок косачиков.

СЛУЧАЙНЫЙ ТРОФЕЙ

Мое ружьё отдыхает на гвоздике в бревенчатой стене дома после утреннего похода. Вооружившись корзинкой, мы с Дуняшей, ирландским сеттером, направились к ближайшему холму у деревни за рыжиками. Хороши рыжики на столе в любом виде: жареные — «пахнущие мясом» с картошечкой, соленые в сметанке; да под чарочку... да хоть маринованные!

Шиповник призывно протягивает свои алые ягоды в обрамлении желтеющих ладошек листочков на колючих ветках: «Съешь меня». Паутина, одетая в узор мелких водяных жемчужин после непродолжительного осеннего дождика, колыхается на лёгком ветерке и слепит глаз радужными солнечными вспышками. Сентябрь в этом году выдался удивительно тёплым. Ветерок смешал в один аромат запахи позднего травостоя, прелого пня и влажного сена. Послеобеденное солнце распахивает лучами низкие сполохи туманностей, скатывающихся в низину после дождика.

Река Вильва выше деревни Боковая изгибается приличной излучиной, добрую половину которой занимает луг; здесь на мочажинках мы с Дуняшей неоднократно поднимали юрких бекасов. Корень излучины перегородил высокий холм, вершина которого поросла сплошной щёткой березняка. Срежь корней берёз в невысокой травке мирно хороводятся мелкие ёлочки, кустики земляники и подберёзовики. Нередко сюда

наведываются вальдшнепы в поисках козявок под преющей подстилкой прошлогодней листвы. Поляна на западном склоне холма богата душицей; в пору цветения среди фиолетово-голубого одеяла цветов душицы едва проглядываются редкие кусты шиповника. На южной окраине холма берёзки соседствуют с невысокими ёлочками. Меж ними, под ковром спутанной пожухлой травы, напыжились зеленовато-оранжевые блюдечки шляпок молодых рыжиков.

Я петляю между ёлочек, высматривая грибы, затаившиеся в траве как спецназ в камуфляже. Каждый рыжик заслуживает перед собой поклона охотника. При повторном проходе по обследованному уже месту обязательно встретится ещё один рыжик, видимый из своего укрытия только с другого угла зрения.

Дунька самозабвенно разрывает очередную мышиную норку. Моя корзинка наполнена уже до половины. Пора менять место поиска и я, свистнув собаке, перемещаюсь по склону. Перед широченной ветлой, окружённой хороводом мелких ёлочек, собака вдруг на секунду приостанавливается в стойке и стремительно бросается в гущу растительности. В тот же момент рассекая застывший в шоковом крике воздух, взлетает на несколько метров из под ветлы вертикально нечто чёрно-серое, ударяется о ветви и падает обратно. И тишина... Даже пичужки замолкли в немом изумлении.

Первая мысль, пришедшая мне в голову после минутного замешательства: уж не раненую ли птицу задавила собака? На мой строгий окрик Дуняша виновато выходит из кустов. Терзаемый сомнениями, как и любопытством, я обхожу ветлу, чтоб приблизиться к месту битвы. К величайшему удивлению я застаю там... зайца! Ещё теплого и уже готового для укладки в ягдташ*.

* Охотничья сумка для дичи.

Вот тебе и поход! Пошёл по рыжики, а добыл зайца! Я нахожусь в сомнении и замешательстве: отчитать собаку или поощрить?! Но работа для легавой состоялась и трофей приятно оттягивает руку.

— Ну, молодца-а!

Собака уткнулась влажным носом в серую шкурку зверька и, прищутив глаза, шумно вдыхает запах свежедобытого трофея. За восемь лет брали мы с Дуняшей птицу всякую, но чтоб зайца?!

Весомый трофей занимает добрую половину корзины, и мы трогаемся в обратный путь. Гордость и нежность одновременно овладевают мною за талант моей помощницы. Вот уж будет повод для байки в шумной компании; мало кто поверит в охотничьи рассказы у костра или при застолье, а памятный осадок, хочется верить, останется надолго.

Соседские ребяташки, выдавшие зайцев разве что в зоопарке или по телевизору, сбежались на лужайку у дома посмотреть на редкое зрелище. Дуняша гордо возлежит около добычи, давая понять, что она здесь очень даже при чём.

Уже через полчаса грибочки шкворчат на сковородке, ожидая картофельной компании; редкие для сентября комары вьются вокруг лампочки на веранде; вечер... узкая змейка пара поднимается от чайника с травкой; заячье жаркое ждёт нас на завтра.

ЧАНИТА

Пушистый клубочек чёрной шерсти с бусинками глаз приветливо тяфкнул. Клубок развернулся, нафурил на мой тапок и переваливаясь с боку на бок, скрылся под кроватью.

У меня давно вызревала мысль взять охотничью собаку но, благодаря стараниям супруги, прибытие в дом пушистого чёрного чуда опередило мои усилия по её воплощению. В паспорте чуда значилось, что это большой королевский пудель с хорошей родословной — сука по кличке Чанита. Я, признаться, был несколько расстроен; порода щенка была вовсе не охотничья, а держать вторую собаку дома, для охоты, довольно хлопотно.

Щенок рос очень подвижным и ласковым. К шести месяцам собака знала основные команды и охотно приносила апорт. Домашние души в ней не чаяли. Решительно преобразилась Чанита после первой стрижки — тримминга. Вострая сухая мордочка под пышным беретом шерсти на голове меж пушистыми ушами придавали собаке внимательно — настороженное «выражение лица». Одетые в пушистые штанишки лапки под лёгкой гривой на груди и торчащий вертикально хвостик с помпончиком умиляли своим изяществом.

Реакция моего старшего друга, собачника со стажем, на мои сомнения по поводу использования декоративной собаки в полевых условиях была неожиданной: «Читай литературу, Илюшка! Пуделя были выведены двести лет назад во Франции как утиная порода! Любимой собакой королевы Марии-Антуанетты был именно пудель. Кровь пудель-пойнтера имеется едва ли не во всех континентальных охотничьих породах».

После этого разговора я как будто посмотрел на Чаниту с другого угла зрения и твёрдо решил заняться её натаской.

Трудно описать бурную реакцию молодой собаки на первый выход в лес с ружьём. Собачий восторг вызывало решительно всё. Холеричный темперамент, подвижность собаки позволяли надеяться, что из неё вырастет азартный охотник. Успешно проверив реакцию на выстрел, я, собственно, приступил к её «нахаживанию». Именно нахаживанию, а не натаске в класси-

ческом понимании я посвятил дальнейшие свои усилия так как пока не знал — чего от суки ждать в дальнейшем.

Первое знакомство с уткой состоялось на старице. Молодая собака вплавь нарезала круги вокруг подранка, опасаясь к нему приблизиться, а селезень тщетно старался унырнуть от преследования. После очередной попытки утки нырнуть Чанита погрузила в воду голову целиком и затем, уже с добычей в зубах, фыркающая, поспешила к берегу.

Отличная работа! От помпезной стрижки собаки не осталось ничего: хвостовой помпончик свисал с морковки хвоста жалкими сосульками как и вся одёжка, головной берет нависал над глазами мокрым козырьком. Возбуждение собаки было необычайным.

Уложив добычу в ягдташ и похвалив собаку, я направился дальше по реке. Следующая утка неожиданно взлетела с островка муравы-травки на противоположном берегу и плюхнулась на середину реки после меткого выстрела.

— Подай!

Чанита решительно бросилась в воду с полутораметрового обрыва и поплыла к поверженной утке. Берег оказался слишком крут, чтоб собака выбралась самостоятельно, и, пристроившись против прибрежного течения, с добычей в зубах, Чанита как бы плыла, оставаясь в то же время на месте. Не без труда я спустился к собаке и, ухватив её за холку и хвост, вытянул из воды.

— Умница!

Первое боевое крещение уже не оставляло сомнений, что я приобрёл азартного, послушного и надёжного помощника!

Блуждая по прибрежным лугам, я обратил внимание на то, что Чанита практически не пользуется ветром. Характер её поиска был хаотичен и ничуть не напоминал челнок. Причиной такого поведения, наверное, было отсутствие на её морде

усов — вибрисс, которыми собака ощущает направление ветра. Усы были острижены при тримминге. Впрочем, настойчивость в работе собаки позволяла мириться с недостатком в характере поиска.

Проходя мимо сырой низинки, заросшей крапивой я решил попытать удачу по вальдшнепу и послал собаку вперёд. Минутное ожидание и, застигнутый врасплох вальдшнеп, с громким кряхтением, спешно накручивая обороты своих крыльев, удирал от ужасного чёрного лохматого чудовища. После пережитой встречи с чёрным всклокоченным зверем я бы, наверное, на его месте, подумал: стоит ли возвращаться сюда после зимнего перелета?! Но не от испуга, а после выстрела вальдшнеп свалился в гущу ивняка среди крапивы.

— Ищи!

Вся в ряске и репьях, но счастливая, Чанита с добычей в зубах выскочила из зарослей.

— Ай да молодец!

Если желание дружит с послушанием, то будет из собаки толк.

Поднявшись в горку, я встал на путь, ведущий нас к дому. Писк молодого рябчика из березнячка заставил меня остановиться. Подозвав собаку, я затаился под елью в кромке. Чанита была уложена мною рядом. После непродолжительного подманивания серая фигурка подбежавшего рябчишки показалась среди кустов в краю поляны. Собаку трясло как банный веник. Не успел я поднять ружьё, как сука стремглав бросилась к птице, подняв её на крыло. Наказывать собаку — не самое приятное занятие, но причина ослушания налицо и значит «надо, Федя, надо...».

После примерной трёпки Чанита заняла место у левой ноги и вскоре вновь была отправлена в поиск. Когда я снова решил присесть на пенёк и достал манки, подошедшая собака спешно

свернулась клубком у меня за спиной и не подавала мне повода сомневаться в её послушании до окончания подманивания. Урок ею был усвоен накрепко, и хлопот при подманивании рыбчика Чанита мне более не доставляла никогда.

После первых походов в лес у собаки заметно изменилось отношение ко мне: она всецело признала во мне вожака — хозяина, да и я полюбил её. У меня появился надёжный помощник, с которым было не страшно пойти в многочасовой поход на дальние вырубам в медвежьей краях за глухарём и ночевать в шалаше бок о бок с надёжным охранником. Навыки, приобретённые Чанитой при натаске, и природные инстинкты превратили её в отличного охотника и преданного друга.

Однажды я повстречал на охотничьей тропе местного охотника. Закурив, мы посудачили о результативности выхода. Увидев, что я охочусь с пуделем, он немало удивился и высказал сомнение о возможности такой охоты. Немного покрутившись вокруг поляны, Чанита нырнула в мелкий елушник. Оттуда поднялся вальдшнеп и, пролетев мимо наших открытых в изумлении ртов, скрылся за поворотом. Мой собеседник сплюнул и молча удалился.

В целом работа пуделя по птице скорее напоминает манеру поведения спаниеля, чем легавой. Несомненно наличие в этой породе охотничьих инстинктов от предков. Азарт, неутомимость, послушание и преданность хозяину — вот неоспоримые качества породы для использования её в поле.

Позже судьба распорядилась так, что я вынужден был уйти из семьи, оставив собаку. Слышал, что вскоре после моего ухода Чанита выпрыгнула из форточки первого этажа и сбежала... Может быть в поисках меня? Дай Бог, чтоб собака нашла приют у хорошего человека. Бывает, вспоминается выразительный взгляд антрацитовых глаз под мохнатой чёлкой, задорная стойка с приподнятой передней лапой в ожидании жеста хозяина,

и в сердце теплится комочек нежности и сожаления. Все мы в ответе за тех, кого приручаем...

ТАИНСТВЕННЫЙ НИК

Лет тридцать назад, когда я был намного моложе, мой отец рассказывал, что в самом сердце Голубятского охотхозяйства, что за мостом от нашей деревеньки Боковая, в глухом лесу, течёт таинственная речка Ник. В этой речушке, не имеющей на своём пути ни одного населённого пункта, ловится непуганый, говорят, хариус «невообразимой величины».

В середине Голубятского охотхозяйства расположена гора Стопка, лесистые склоны которой дают начало чистейшим рекам Вильва, на которой стоит деревня Боковая, её притокам Мутная, Куб и Ник. Северная часть Голубятского охотхозяйства изрезана сетью веток бывшей теперь уже узкоколейки, по которой раньше дизель-паровозик таскал спиленный лес на лесопилку. Из всех известных мне дорог, что ведут на Ник, — только ветка узкоколейки. Пешком идти до ловчих мест километров двадцать-двадцать пять. Потому лишь самые увлечённые сталкеры — харьюзятники — решались выбраться на Ник; слух о величине тамошних хариусов из их уст, наверное, и разнёсся по округе.

Многое изменилось с тех пор: лес давно уж не рубят, с узкоколейки стащили рельсы на металлолом, заросли визиры и дальние ветки узкоколейки. Неизменной осталась лишь таинственность мест у Ника, где живут медведи да глухари пасутся на галечнике заросшей железнодорожной насыпи.

Давно не решался я сходить в эти далёкие и глухие места — одному боязно; напарника надёжного в подходящее время не

мог сагитировать. Наконец, посчастливилось в нашей деревеньке прикупить дом Володьке, моему родственнику по собачьей линии, охотнику, имеющего ирландского сеттера Ноя — годовалого кобеля из второго помёта моей суки Джесси. С ним мы и договорились посетить заповедные места. Время для похода определили на первую декаду сентября: чтобы ночи были не холодными — ночевать, и чтоб птица нынешних выводков уже существенно подросла. Выразил желание с нами идти и лесовик Женя — добродушный здоровяк с соседней деревни Мутная. Вооружившись картами и спутниковыми съёмками с Google, мы наметили маршрут на ближайшие выходные.

Ранним утром, проскочив минут за пятьдесят расстояние в пять километров до деревни Мутная, мы наскоро попили чаю у Жени в избе и тронулись в путь. Роль проводника была отдана Женьке, бывавшему в маршрутах по веткам значительно чаще нас с Володькой.

Шестая железнодорожная ветка заросла не сильно, вдоль неё простирается невысокий, в основном лиственный лес: высокий влажный чапыжник между старыми колеями неприятно студят колени. Часто встречаются по пути разрушенные муравейники и намятые в высокой траве тропы.

Женя показал на примятую к земле черёмуху с ободранными ягодами: топтыгин жирует. Как-то не по себе стало сначала, но глядя на озабоченно работающих в кромке собак, мы с Володькой успокоились, и в душу вселилось ровное возбуждение от нахождения в нехоженных ранее местах. Влажно-хмурая погода не обещает нам ни хорошего, ни плохого своего продолжения.

Дуняша быстро освоила стиль работы, подходящей характеру местности. Она уходит вперёд нас метров на семьдесят, затем ныряет в кромку у дороги и, прочесав её в обратном направлении, выныривает на дорогу позади нас.

Её годовалый сынишка Ной поначалу вёл себя как балбес, заигрывая с взрослой матерью, но постепенно втянулся в Дунькин стиль работы. Далее мы шли, с удовольствием наблюдая синхронную работу двух ирландцев, которые друг за другом уходят вперёд, затем ныряют в противоположные кромки дороки и так же синхронно выныривают позади нашей колонны, снова уходя вперёд.

Женька ехидно заметил, что собаки надёжно охраняют нас от птицы, в тот же момент Ной резко повернулся, встал в кромку и, не выдержав нашего приближения, шумно поднялся вальдшнеп. Я едва успел вскинуться и пальнул «в ту сторону». Мастерски выполнив вираж, вальдшнеп скрылся за деревьями.

Женька ухмыльнулся и более замечаний в сторону собак себе не позволял.

От известного перекрёстка дорог нужно было идти по азимуту километра полтора. Мы немного поплутали по оврагам, подняв по пути глухаря и пару вальдшнепов, но вышли, наконец на восьмую ветку, ведущую к Нику. Только Женькин острый глаз мог заметить сильно заросшую насыпь бывшей узкоколейки. Местами дорога теряется в крапиве, подросте ельника, местами размыва ручьем, вытекающим из брошенных бобровых угодий. Во всём чувствуется приближение реки. Пару раз выше по склону поднимались недоступные глухари; на подходе к речке мне удалось взять «шумового» рябчика. Мы сильно устали; и от этого внезапно открывшийся вид на реку выдавил из нас восторженный возглас: «Ура! Добрались!».

Ник — неширокая, метра два-три шириной речка с чистой-шей водой, текущей местами по песчаным плёсам, кое-где закоряженная, с глубокими омутами на заворотах. Заросшие высокие берега сильно изрезаны бобровыми норами. Наличие незаметной тропы вдоль берега и кострище свидетельствовали о немассовом посещении этих мест удильщиками. Мост в про-

должение насыпи на противоположный берег давно обрушился. Пока мои попутчики затевали чаёк с перекусом, я прицепил к небольшому телескопическому удилищу посеребрённую мормышку, нацепил опарыша и через пару минут на кончике снасти уже извивался стограммовый хариус. Прекрасной закуской к дорожной чарочке было белое, нежное мясо с позвоночника зажаренной на прутике у костра рыбы.

После перекуса настроение было прекрасное, погода обнадеживала постоянством и, перейдя реку, мы пошли по дороге вдоль реки искать место для стойбища. К нашему немалому удивлению через полтора километра мы обнаружили небольшой мостик через реку с какой-то железякой от сельхозтехники на наваленных брёвнах. От моста вверх по склону уходила дорога с глубокими колеями от трёхосного грузовика в направлении дома. Эта дорога и есть, скорее всего, та, по которой вытаскивали рельсы с узкоколейки в посёлок Вильва. Пока курильщики доставали табачок, к величайшему нашему удивлению, по дороге скатился квадроцикл с двумя рыбаками-охотниками, приехавшими с посёлка. Мы немного поболтали с приезжими; с той же горки по дороге протопал одинокий сталкер-рыболов и удалился вдоль реки.

Вот так-так! В глухом медвежьем краю мы чувствовали себя как на лобном месте! Однако путь отхода на завтра был уже определён и мы продолжили поиски места для ночлега.

Свалив скарб на высоком пятачке под двумя разлапистыми ёлками, мы наскоро подготовили снасти и разошлись рыбачить. Хрустально-прозрачная вода, неглубокие песчаные стремнинки с пучками водорослей, коряжник и ямы с тёмной подстилкой речного мусора — вот обстановка, в которой предстояло потягаться с хариусом. Беглое изучение русла показало, что рыба в реке есть почти везде — в основном ровнячок чуть больше ладони. Плавила рыба крайне редко. Рыбачить

придётся из укрытия по видимой насадке. Выбор снасти пал на светлую мормышку — она хорошо видна на фоне тёмного дна. Два опарыша на крючке понравились капризным на поклёвку хариусам.

Перемещаться с удочкой вдоль реки оказалось занятием крайне неудобным из-за частых кустов черёмухи и валежника. Ноги то и дело норовили провалиться в нору под берегом. Поэтому незаметно подкрасться к берегу и забросить мормышку выше по течению, было непросто.

Цвет спинки хариуса зависит от среды обитания (дна). На тёмном галечнике ловится тёмный хариус, а здешний — светлый, сливающийся с песчаными рукавами дна. Манеру подводки мормышки приходилось выбирать по ходу; чаще всего рыба кидалась к падающей на дно наживке. Порой мормышку хватал не тот хариус, к которому я подводил, а стремительно выскочивший откуда-то сбоку. Местами под корягами стоял хариус крупный, но абсолютно апатичный к наживке.

За моей спиной в густом пойменном ольховнике, там и сям пересвистывались молодые рябчики, дезориентируя собаку, которая пыталась к ним подкрасться. Рыбачить, видя сам процесс ужения так же увлекательно, так и непросто. Спустя некоторое время в моей сумке, в крапиве, лежали полтора десятка стограммовых хариусов, и я решил повернуть к стойбищу для обустройства лагеря. Мои друзья к этому времени уже рубили рогульки для костра и заготавливали дрова на ночь. Володин улов был такой же, как у меня и немного меньший у Женьки.

После готовки, обеда, состоящего из душистой рябчиковой похлебки и нехитрой закуски, я попытался ещё немного порыбачить, но почти безрезультатно. Начинал накапывать микро-скопический дождик, обещая тёплую ночь.

За разговорами у костра незаметно нахмурился вечер. Сытые собаки уже грели нам места ночлега. Допив щекочущий

ноздри чай с чёрной смородиной, мы улеглись. Ночь была безлунной и беззвучной. После полуночи наш кобель вскочил и разразился лаем в темноту. Женька быстро зарядил ружьё и насторожился.

— Может лось... или медведь?

Вскоре всё успокоилось и, обновив нодью, мы улеглись. Во второй половине ночи небо прозвездило и вскоре прохлады подкрадывающегося со спины тумана заставила моих друзей ворошить костёр почаще.

С рассветом снова заморосил дождь и мы стали собираться в обратный путь. Длинный тягун в гору, которым приехал квадроцикл, привёл нас к главной ветке бывшей узкоколейки. Дорога назад казалась длиннее. По пути мы обсуждали достижения и промахи вчерашнего дня.

— А рыбачить-то было бы логичнее с утра, пока рыба голодная. А мы аккурат в обед пришли. Вот и результат.

— Да и птица на насыпь галечку клевать выйдет к обеду только. Глухарь сейчас сидит на высоких деревьях, питаясь листвой и серёжками.

В доказательство наших выводов, немного погодя, в высоком осиннике Ной вдруг застыл, уткнувшись в придорожную крапиву. С вершины высоченной осины стремительно сорвался глухарь и улетел в овраг.

Поднявшись на водораздел, мы расстались с Женькой. Одному ему известными тропами он ушёл в Мутную. Главная ветка, на которую мы вышли, оказалась вполне проезжей для вездеходов. От брошенной деревни Верх-Мутная старой и заросшей лесовозной дорогой мы спрямили путь в Боковую. Часа через три мы, изрядно уставшие переходили уже знакомый мосток через Вильву. Свежие впечатления и веселая тара с хариусами были у нас за плечами.

Разведка боем в таинственные ещё вчера места состоялась.

БУРЯ В ЛЕСУ

Надежды на шикарную рыбалку в одночасье с треском рухнули. Немногочисленные хариуски размером с мизинец резво скрывались из поля зрения, едва завидев любопытствующий с берега субъект.

Там, где черёмуха склоняет свои ветви с гроздьями антрацитовых ягод над прозрачным руслом с песчаным дном, в широченной, с полкилометра, низине скрываются среди ольховника изгибы среднего течения Пелуча. Пелуч почти ничем не отличается от своих собратьев — Мутной, Ника, Кухтымки и других притоков Вильвы, разве что ещё глуше и недоступнее. Дороги на старинные выруба вдоль речки давно заросли. Путь к реке едва угадывается по существенной разнице в высоте шеренги молодых деревьев. Вдоль прогала поросли старой визиры пролегает звериная тропа, по которой мы с Володькой сюда и добрались. Это самый короткий путь на Пелуч. Есть и другая, более длинная дорога — через зимник с Боковой на Кыж.

Поход традиционно был запланирован на сентябрь. После прошлогодней удачной рыбалки на Нике у нас имелись все основания надеяться на встречу с хариусом и здесь. Я и Володька, в сопровождении наших верных друзей — ирландских сеттеров Дуняши и её сына Ноя, несмотря на неблагоприятный прогноз — ночной ливень, тронулись в путь. Не всегда-ж непогода наш путь пересечёт. По дороге мы изредка останавливались в кромке ельника поманить рябчика. Вальдшнеп, не дав поднять ружьё, стремительно закрутил спираль своего полёта с мочажины в низинке. Впрочем, не охота, а предстоящая рыбалка поспешала нас уже два с гаком часа пути.

Я бывал здесь не раз. Лет двадцать назад на поляне у реки стояла заброшенная вышка от буровой; избушка на полозьях

была кем-то из рыбацков привезена из Кыжа. Из бурьяна меж исполинских пней недавнего вырубса с треском и недовольным квохтаньем поднимались глухари. Стройная шеренга красноголовиков в осиннике приветствовала проходящих «во фронт». Кыжевские любители охоты и рыбалки сюда наведывались чаще, так как до Кыжа отсюда ближе, чем нам с Боковой.

До устья Пелуча отсюда километра полтора. Безрезультатно побродив вдоль русла с удочками, мы с Володькой молча разложили костёр и подвесили котелок. Настроение было испорчено. Желания и сил идти к устью уже не было.

— Где-ж рыба-то?

— Да, хрен её знает. Может бобры нам помогли? Реку ниже по течению перегородили. Не зашёл хариус в верховья на нерест — и привет!

— А на Мутной бобры лютуют — известно, — мечтательно сказал Вовка. — В устье Пелуча хороших хариусков, говорят, брали раньше.

— Нету рыбы — нет проблемы! — парировал я. — Перекусим и пойдём домой.

Погода портилась. Быстро пообедав, мы тронулись в обратный путь.

Свинец нависших туч не предвещал ничего хорошего. Надежда сухими дойти домой в Боковую таяла с каждой минутой. Через час пути тучи нависли так низко, что вершины елей были едва различимы на их фоне. Шквальный ветер внезапно закрутил павшую листву, поднял её и бросил мне в лицо. Деревья натужно закрипели под ураганным напором и поспешили сбросить с себя непрочный балласт — ветки и шишки.

— Вовка, ты живой? — попутчик оторвался от меня метров на пятьдесят.

— Иду-у!

Вой ветра заглушал голоса.

Звериная тропа едва угадывалась впереди. Сноп дождя словно ушат воды выплеснулся на меня справа. Внезапно начался сильный ливень. Стало ещё темнее. Будто ураган Катрина случайно завернул в Добрянский район. С тропы ведущей к дому меня уже не только сдувало, но и смывало в пересекаемый ложок. Насквозь мокрый, я с трудом угадывал направление пути.

— Дунька!

Верная подруга уткнула мне в колени рыжую голову с мокрыми ушами.

— Ничего, дойдем! Во-о-о-ви-и-к!

Ответа не последовало. Я огляделся... и понял, что заблудился. Стоял незнамо где посреди леса под проливным дождём. В уме я прокрутил карту местности: стою на склоне. Идти вниз — к реке. Вверх по склону: с километр-полтора на идущий по холму зимник. Зимник — дорога домой! Я решительно взял направление на подъём. Отставшего товарища мне найти было уже маловероятно; однако лесовик Володька ещё тот — выход обязательно найдёт! Да и всё необходимое было при нём.

Ветер немного стих и только струи воды низвергались на меня и Дуняшу с осин, между которыми мы петляли в поисках какой-либо дорожки.

Заботиться о комфорте в одежде не имело смысла — я был мокрый насквозь. Брючины были вынуты поверх сапог чтоб вода не лилась в ноги. Периодически я отжимал шляпу дабы вода не заливала глаза. Молнии изредка освещали купола рослых осин. Раскаты грома тонули в какофонии урагана. Страх не было несмотря на темень. Лишь тревога бередила душу: «Как там Володька? А нам куда идти и когда выйдем?».

Счёт времени я уже потерял. Неожиданно вышел на дорогу со следами протектора от легковой машины. Несомненно, это была дорога на Кыж или на зимник. Но в каком направлении

идти? Сориентироваться где расположены север-юг возможности не было никакой, и я решительно повернул налево.

Я шёл по дороге. Ощущение неизвестности и потерянности в душе постепенно угасало. Километра через полтора дорога начала петлять и наметился уклон вперёд. Не успел я засомневаться в правильности выбранного пути, как взору моему открылась лесная поляна, на которой через пелену дождя угадывался контур избышки.

Домик был пуст. В небольшой лесной избышке имелись сухие дрова, печь-буржуйка, посуда и нары с тремя матрасами. Сухие спички из моего рюкзака, спальный мешок, кое-какая еда и фонарик обеспечили нам с Дуняшей комфортную ночёвку. Истопив печку, я развесил сушиться мокрую одежду; попив горячего чайку, мы улеглись. Тёплый бок верного друга согрел меня всю ночь.

Спалось на новом месте плохо. В душе ворочалась тревога. Снаружи клочкотал ураган. Потоки дождя стучали по крыше, вокруг домика по канавкам струились ручьи, раскаты грома перемежались шумом падения сломленных ветром веток. Я ощущал себя Ноем на ковчеге среди бурлящей стихии.

Под утро дождь закончился. Едва завидев свет за оконцем, я вышел наружу. Небо просветлело. Медленно выползающий из леса туман обволакивал избышку и сваливался в низинку. Утренний воздух был чист и свеж. Тишина резала слух. Пернатые обитатели молчали. Они ещё не оправались от ночного стресса.

Я попил чайку из термоса, и мы с Дуняшей тронулись в обратный путь. Скоро дорога стала узнаваема. Я уже хорошо представлял себе, где нахожусь.

— А повернуть-то вчера надо-бы направо было. Домой бы пришёл... Впрочем, три часа пути под дождём или четверть

часа до избушки — разница есть, — бормотал я себе под нос. — Нет, хорошо, что всё так вышло и дай Бог здоровья хозяину хижины.

Скоро я вышел на зимник и спустя ещё три часа отпирал дверь знакомой избы в Боковой. Володи дома не было.

— Придёт! — уговаривал я себя. — И непременно есть горяченького захочет.

Я затопил буржуйку и принялся готовить завтрак.

Через час за ручьём на дороге, выходящей из леса, показался рыжий собачий силуэт.

— Ной! Ну, слава Богу!

Уже через четверть часа Володька рассказывал, как разжигал под проливным дождём костёр под огромной елью. Он заблудился тоже. Ной согрел его всю ночь. Вдвоём — тепло и совсем не страшно!

Наговорившись вдоволь, мы улеглись досыпать.

Мне снилось, как красные глухари взбивали крыльями чёрные тучи, из которых сыпались капли блестящие перламутром рыбьей чешуи.

«УГОЛ ЛЕШЕГО»

Косой луч низкого зимнего солнца скользнул в окно. На черёмухе за окнами запиныгали синички. Матвей задвинул вьюшку русской печи; затворил топку. С крыльца послышался топот ног и глухой стук. Матвей открыл дверь в избу.

— Женик, заходи!

— Здорово живём.

Снизу, с крыльца, в избу ввалилась крупная фигура друга, живущего по соседству.

— Ну, ты готов, что ли?

Они подружились, когда Женька приобрёл дом в небольшой деревеньке Мутная, после того, как неизвестные злодеи сожгли охотничью избушку в лесу на «новых землях» в трёх километрах отсюда. Там в охотничью пору собиралось человек пятнадцать народу. Теперь бригада распалась. Женька — убеждённый бродяга. Тягу к лесу он унаследовал ещё от отца. Матвей хорошо его помнил — невысокого жилистого горбоносого мужичка с несгибаемым характером в стареньких очках на резинке. В голове не укладывалось, как мелкий по сложению отец смог народить здоровяка сына вроде Евгения.

— Я готов, — парировал Матвей.

На пару с другом они собрались полазить по зимнему лесу в поисках рябчика, зайчика или чего-то покрупнее.

В отличие от Евгения, Матвей приехал в дедову избу. Немощная бабка Зоя год, как съехала в город под присмотр его матери. Теперь забота о крепком хозяйстве давно ушедшего деда Константина легла на его плечи.

Нога в портянке никак не залезала в валенок.

— Куда двинем? — кряхтя, Матвей перемотал портянку и топнул ногой в валенке.

— Я пойду за речку, и налево в овраги, в чащобник километра на два и обратно своим следом.

— В угол лешего?

— Туда.

— Ага! А я по нашей стороне старой дорожкой пройду вдоль реки до горелого поста, на твою сторону перелезу и тебе навстречу пойду.

— Лады. Время два часа дня. Темнеет в пять, а нам ходу часа на два.

Немногословный Евгений вышел из избы, закинул на плечо ружьё и сунул под мышку подбитые кисовиной лыжи.

Матвей принёс из сарая старые дедовы лыжи, постромки от которых он подогнал под свои валенки ещё вчера.

За окном едва ли минус десять. Яркое солнце играет бликами на сугробах. Матвей накинул на плечи лёгкую куртку, чтоб не употеть на ходу и направился к лесу через Першино поле. Патронташ, ружьё, нож да лыжи — вот вся его амуниция на непродолжительный поход.

Место, где они с Жеником вознамерились встретиться, слыло славой нехорошей. По странным стечениям таёжных обстоятельств, на сравнительно небольшом участке леса сплелись лога и карстовые овраги с ручьёвинами. Раньше здесь были разделочные площадки лесозаготовок. Обилие семян со спиленного привезённого леса укоренилось здесь, и возросло непроходимым чащобником невысоких елей на плато меж оврагов. Осенью Женька частенько встречал здесь следы «соседа» — старого крупного медведя.

Матвей скатился с пологого склона и чуть не упал, затормозив перед валежиной. Синички похихикали над ним со ствола ближней ели и разлетелись. Рябчик выставил затейливую трель песни с прибрежного сколка. Лыжи шли споро, настроение у Матвея было отличное.

Широкая поляна в пойме реки Мутная примыкает к реке. Матвей снял лыжи, сложил их друг на друга и присел на них отдохнуть. Лёгкий ветерок вдоль поймы принёс свежий запах хвои. Он окружил ветлу, у которой сидел Матвей, шумнул скукоженной сухой листвой, не слетевшей с веток осенью, и умчался на запад.

Неширокая речушка Мутная, там, где раньше был сгоревший мост, поднялась и разлилась по поляне. Где-то ниже по течению бобры перегородили реку плотиной и построили хатку. Матвей по льду перебрался на противоположную сторону и вышел в пологий склон поймы.

Заячьи следы, как свежие, так и уже припорошенные снегом, вдоль и поперек рассекали снежный ковер в низине. В них вплелись змеевидные цепочки лисьих набродов. Матвей переломил ружьё, проверил дробовые патроны в стволах ружья и не торопясь направился вверх по склону. Вдоль реки идти — по оврагам петлять ему не хотелось. «Зайду повыше и поверну на запад, чтоб выйти прямо к Женькиной лыжне, — подумал Матвей и пошёл петлять меж молодых елей. — Зрительная память у меня хорошая и карта местности в голове».

Поднявшись в гору, он встал на какую-то дорожку. «Надо сориентироваться, — решил Матвей. — Дорога к дому на западе. Повернусь так, чтоб солнце светило в левый глаз, и айда, по попутной дорожке».

Идти по целине оказалось весьма непросто. Лыжи проваливались в рыхлый снег. Пуховые снежные шапки молодых берёзок склонились над колеями вдоль дороги. Идти, огибая их — утомительно, а напрямки — снег с шапок сыпается за голени валенок. Солнце заметно село. Теперь Матвей шёл прямо на него — на запад. Скоро дорога начала загибаться влево, на юг. Матвей сошёл с неё в лесную целину и пошёл по азимуту. Мелкие овражки он огибал, а крупные приходилось переходить пешком, сняв порой лыжи. Бывшие вырубki леса заросли невысокими осинами и берёзами. Изредка встречались тощие ели. Старые валежины перегораживали путь.

Матвей стряхнул снег с толстой валежины и присел отдохнуть. Закрыв глаза. Дома, в чреве русской печи его ждала наваристая похлёбка. «Приду домой, истоплю баньку, поужинаю и спать, — решил Матвей и решительно встал. — Однако надо идти. До Женькиной лыжни полкилометра осталось, наверное».

Ещё одна дорожка нарисовалась в попутном направлении. Ельником вдоль дороги идти намного легче. Дорогу пересекли два лосиных следа. Матвей скинул варежки и вставил руку в

углубление от ноги сохатого. По направлению копыта животного он угадал направление его движения. «От реки идёт в гору, не закрутить мне его одному по такому рыхлому снегу», — решил Матвей и направился дальше.

Закатное солнце упало ниже крон деревьев. Стало заметно темнее и прохладнее. За кронами деревьев ещё угадывался солнечный отсвет. На него держал направление хода Матвей.

Дорога опять повернула левее, на юг. Матвей сошёл с неё и упёрся в здоровенный овраг, склоны которого поросли мелкими ёлочками. Кувыкаясь в снегу меж елей, он с трудом преодолел препятствие, влез в гору и в изнеможении присел на валежину. «Так и в берлогу свалиться не мудрено», — подумал Матвей и перекрестился.

Нестерпимо захотелось пить. Без надежды на успех, он нагрел в руке жменьку снега и высосал из неё влагу. Жажда практически не уменьшилась. «Поздно уже. Надо идти», — решил Матвей и предпринял попытку подняться, но не смог. Силы покинули уставшие ноги. Лишь однажды он испытал такое состояние после чарки выпитой медовухи. Голова была светлая, а ноги и руки отказались слушаться напрочь. Сейчас же не медовуха, а истощение и усталость отключили ноги. Матвей похлопал себя по карманам. В глубине нагрудного кармана он ощутил твёрдый комочек. Не веря своим глазам, он извлёк оттуда заваливавшийся леденец. Матвей развернул обёртку и закинул конфету в рот. Сладкая истома медленно растекалась по его телу. Через несколько минут Матвей, ощутил прилив сил, поднялся и пошёл.

Солнце уже закатилось за горизонт. Мягкая темнота, слегка подсвеченная покрывалом снега под ногами, опустилась на лес. На фоне тёмного неба кроны деревьев уже не угадывались. Лишь лёгкий отсвет от облаков упавшего за горизонт солнца позволял ему хоть как-то сориентироваться.

Пойдя ещё сотню метров, Матвей остановился. Встречной

лыжни нет. Солнце село. Звёзды ещё не показались. «Впервые в жизни он заблудился ночью в зимнем лесу!» Эта мысль вызвала в мозгу Матвея лёгкую панику. «Не иначе, леший кружит меня вокруг треклятого места!?» — спросил себя Матвей. Однако шансов дожидаться утра в лесу у него, наверное, нет. Ни спичек, ни компаса, ни котелка или термоса у него с собой не было. Единственный шанс — идти. Но куда?

В мозгу Матвея всплыла карта местности. На север — река, километрах в трёх, она приведёт к дому. На запад — спасительная дорога домой поперёк его пути. На юг и восток — до жилья километров сорок-пятьдесят. Сплошная тайга, изрезанная оврагами да заросшими насыпями старых узкоколеек, по которым таскали лес. Стоит ошибиться в направлении, и уйдёшь неизвестно куда.

Шальные мысли полезли в голову: «Замерзнуть в лесу в некрасивой позе — проявить слабость? Что подумают его близкие и родня? Нет! Морозы ещё не те и запас прочности у него есть!»

Матвей четырежды прочитал «Отче наш», перекрестился и поклонился на все стороны света.

«Однако пора менять тактику, — подумал Матвей. — Нужно найти ложок, по нему «свалиться» в реку и поймой прийти в деревню. Путь долгий, но надёжный».

Окружающий ландшафт имел лёгкий, но заметный уклон к реке. Выбрав направление в полсклона, правее непонятного светлого пятна на горизонте, отправился дальше. Теперь он отдыхал каждые сто метров.

Матвей снял лыжи и пошёл пешком. Снег иногда заваливался за голенища валенок, но идти стало заметно легче.

Впереди за гривкой ёлушек темнела низина. Матвей продрался через ёлки и практически вертикально свалился в овраг. Силы опять покинули его. Он привалил к крутому склону лыжи и лёг на них. Овраг оказался большим карстовым провалом с плоским

дном. От обиды и усталости Матвей едва не расплакался. В порыве отчаяния он дважды выпалил в воздух из ружья и заорал из последних сил. В полутора километрах от деревни в лесу есть небольшое зимовье. Матвей знал, что туда накануне пришли двое охотников, но шансы его услышать были ничтожны.

Матвей родился в Мутной. Его босоное детство прошло здесь же, по соседству, с дедовыми лошадьми. Мать с отцом работали в местной совхозной бригаде. Дед Матвея был бригадиром. Первые пять классов Матвейка учился в школе в Голубятах, за двенадцать километров от дома, куда он ходил с местными ребятами каждый день. Осенью по дороге ребята собирали ягоды и грибы. Зимой, в ненастье, иногда приходилось оставаться ночевать в школе. Однажды зимой, по дороге домой, пятерых ребятшек чуть не нагнали волки. Матвей вместе со всеми пробежал пять километров по дороге до дома и в изнеможении свалился на крыльцо ...

Он открыл глаза. Холодок неприятно растекался со спины. Куртка сзади промокла. Немного отдохнув, Матвей стал карабкаться по склону провала сквозь чащобу. Лыжи он оставил внизу — сил тащить их за собой уже не было.

Вскоре за кромкой леса среди елей обозначился прогал и Матвей вышел на опушку большой поляны. Далеко впереди его взору открылась широченная долина реки Вильва. Над далёким противоположным склоном облака отражали свет. Это было ночное освещение соседнего поселка Кыж. Это зарево и принял Матвей за закатное отражение солнца.

Слава Богу! Теперь Матвей сориентировался и точно знал, где находится. В душе он торжествовал.

Дорога, на которую рассчитывал выйти ранее, упиралась в старые покосы. Девять больших полей сообщались меж собой дорогами через лес. До деревни оставалось идти километра три. Леший увёл его сильно влево.

Снег на поляне высокий, и Матвей повернул в кромку поля. Здесь снега меньше и проще идти. Его путь пересекали чьи-то следы, но Матвей не обращал на них внимания. Он шёл домой.

Рельеф третьей поляны показался ему знакомым. В её дальнем конце обозначилась заросшая тропа. Здесь Матвей не был лет двадцать. Похоже, это бывшая дорога на «новые земли». Если это так, то в перемычке между полянами впереди должна стоять старая сосна, многочисленные ветви которой от корня сплелись в густую косу — дерево весьма приметное.

Старая сосна, как позабытая родственница, ждала его за поворотом. Трудно забыть деревянного исполина, с ветвей которого когда-то слетали краснобровые глухари. Идти осталось два поля. Затем — дорога до дома, утоптанная снегоходом ещё позавчера.

Матвей вышел на поляну и ногами ощутил твердь под снегом. Он стоял либо на чьей-то лыжне, либо на следу, намятом снегоходом. Не видя перед собой следов, Матвей продвигался вперёд по снежной равнине, нащупывая твердь ногами. Идти стало заметно легче.

Вскоре Матвей вышел на первую поляну и, торжествуя, встал на след снегохода. Густеющий мороз куснул его за нос. Мокрая спина начала подмерзать. Он знал, что в двухстах метрах от него в лесу стоит зимовье. Там есть люди. Там тепло. Но впереди всего полтора километра до дома и запаса прочности измотанного организма Матвея на это хватит.

Теперь торопиться некуда. Матвей неторопливо пошёл по утоптанной снегоходом тропе. Через полчаса пересёк замёрзшую речку Мутная и направился к дому.

— Ты откуда такой? — подсвечивая дорогу фонариком, из темноты вывалился Женька.

— Да-а ... поплутал я. Как видишь, успешно. Сколько времени уже? — Матвей отворил дверь в избу.

— Восьмой час.

— Ух-ты! Два часа с хвостом я по ночному лесу шарахался.

Друзья зашли в дом.

Пока Матвей переодевался, успел поведать о всех злоключениях сегодняшнего вечера.

— Балбес ты! Дважды балбес! — заключил Женька.

— Отчего-же? Объяснись.

— Во-первых, идя в лес, ты не взял с собой самого необходимого — спичек, фонарика и термоса с чаем. Во-вторых, как говорят бывалые охотники, есть две вещи, которые охотнику сделать не стрёмно: стрелять сидячего рябчика и возвращаться своей лыжнёй.

— Странно. У меня на протяжении всего похода даже мысли не зародилось взглянуть на свои следы, и уж тем более вернуться. Век живи — век учись.

— Ну, отдыхай, — Евгений перешагнул порог и закрыл дверь в избу.

Есть почему-то не хотелось. Матвей попил чаю и расправил постель. Изнеможение трансформировалось в усталость. Он улегся спать.

В полудрёме он часто просыпался от одного и того же видения: он, Матвей, мчался вперёд, к солнцу, не в силах оглянуться назад, а сзади его кто-то провожал свистом, словно леший гнал его со своей территории.

СИМФОНИЯ ДЛЯ ПИЩИКА

Многих охотников за рябчиком я перевидал, но самые удачливые из них всё же не обижены музыкальным слухом. Манить рябчика меня учил мой друг и учитель Геннадий Александро-

вич Белкин — высокий и статный балагур-весельчак, сапоги которого измерили не одну сотню километров полей и лесных угодий Пермской губернии.

— Слушай, дружок, как пищит самец и постарайся повторить его трель. Каждый выводок пищит по-своему, — говорил мне мой гуру. — Сидишь, бывало, на пенке и слушаешь, как вокруг перекликаются два-три самца: ну чисто симфония!

Со временем я и сам понял особенности звучания трели. Песня самца непроста в исполнении да и тон коленец меняется на протяжении всей трели. Далеко не всегда трель повторяет известную транскрипцию «кли-и-м и пять тетеревов». У молоденького самца песня чаще с коротким окончанием, почти без паузы. Взрослый же самец выводит рулады по полной нотной строке, тщательно выводя каждое коленцо песни. Трель самочки весьма незатейлива; у неё зачастую отсутствует характерное для самца выразительное окончание или оно укорочено до одного-двух коленец.

Манки на рябчика (пищики) занимают особое место среди вещей, которые каждый знающий охотник бережёт как зеницу ока и не променяет ни на какие коврижки. Множество конструкций пищиков опробовано охотниками: от тетеревиной косточки или рога до серебряного манка. На мой взгляд, важнейшей особенностью в конструкции манка является возможность менять тон посвиста. Металл добавляет в основную частоту посвиста негармонические обертона, которые искажают естественность звучания. Чистота и естественность звучания пищика важны на небольших расстояниях до птицы. Интенсивность же звучания манка крайне важна для приманивания с дальнего расстояния. Среди манков из органических материалов я окончательно остановился на материале бильярдного шара, напоминающего кость. С рабочего торца имеется небольшой бордюрик, чтоб манок было удобно держать

в зубах. Расстояние от бордюрика до зорьки выбрано такое, чтоб удобно было верхней губой наезжать на зорьку, меняя тон трели. С нерабочей стороны проточены полосочки — две на манке для самца и три на манке для самочки. Будучи надетыми на шнурок, они до поры покоятся в пенальчике в нагрудном кармане моей спецовки.

Осенний лес надел золотистые одежды берёз с ярко-красными узорами рябиновой листвы. Тихое сентябрьское утро обещает интересную прогулку по лесу.

Я и Дуняша, ирландский сеттер, выходим из калитки и направляемся туда, где холм водораздела переламывается в речную пойму, к карстовым воронкам. Там растёт много рябины. Летом мы не раз в поиске грибов тревожили в осиннике выводок рябчиков. Ветра нет. Утренняя испарина теребит шелестящую осинковую листву. Шорох листа под ногой да редкий хруст веточки от Дуняшкиного поиска в кромке узенькой лесной визирки прерывают глубокую утреннюю тишину. Придя на место, я ищу поваленную лесину чтоб не нагружать ноги, — бывает, не один десяток минут занимает диалог моего манка и птицы. Я усаживаюсь; Дуняша ложится у моих ног; она не помощница в охоте на рябчика, но полезна уже тем, что не мешает — спокойно лежит у моих ног в позе сфинкса. Симфония скоро начнётся.

Первые две-три минутки я просто сижу, дав успокоиться шуму, с которым я подошёл к месту. Пронзительная тишина утреннего осеннего леса изредка прерывается шумом падающего с дерева листа, который кряхтя и переворачиваясь от ударов о ветви, казалось, грохочет на весь лес. Мышь, возникающая ниоткуда, смачно грызёт корешок и исчезает в чреве соседнего гнилого пенька. Запоздалый комар звенит у моего уха и растворяется в бесконечном море тишины осеннего утра. В эту пору выводки рябчиков ещё не разлетелись, поэтому я достаю манок на самочку. Молодые рябчики проворно сбегаются на

призывный писк матери — рябушки. Тон трели самочки ниже песни самца; пищит рябушка значительно реже.

Часть первая. Звонкое «пи-иуу ти-тю» моего пищика слегка касаясь вершин деревьев уносится в лог. Через пару минут, после второй моей трели, с разных сторон раздаются два отзыва молодых петушков, желающих ко мне присоединиться. После третьей или четвертой трели голова собаки поворачивается в направлении лёгкого шелеста падшей листвы. На противоположном краю поляны вытянув шею, петушок старательно выводит арию молодого рябчика, ещё неумело, с дискантом, но очень старательно. Расстояние для выстрела подходящее и молодой рябчик становится добычей охотника.

Небольшой антракт прерывает симфонию для перехода на новое место. Гроздья рябин искрятся на солнце и сбрасывают с себя утреннюю влагу от лёгкого прикосновения. Я усаживаюсь на пенёк и замолкаю. Невольным зрителем и слушателем становится сова, сидящая на суку стоящей рядом ели. Скорее всего, на лежащей собаке сосредоточено её внимание. Процесс возобновляется. На этот раз рябчишка пискнул в ответ и замолк. Я уже вывожу арию рябушки в третий, четвертый раз... ответа нет. Вдруг третьим глазом я замечаю чей-то пристальный взгляд за своей спиной. Я медленно озираюсь и вижу: о чудо, подняв хохолок и склонив головку набок, в трёх метрах от меня молодой рябчишка рассматривает спину непонятного существа, издающего столь близкие птичьему слуху звуки. Я медленно поднимаю ружьё и столь же медленно оборачиваюсь... но serene хитрец, почуяв неладное, уже семенит за пенёк, затем за валежину и скрывается в молодом елушнике. Навряд-ли он подойдёт на посвист снова.

Я выхожу на влажную лесную дорогу, ведущую к покосам. В кромке за кустами срывается вальдшнеп. На горке — водоразделе лёгкий ветерок запутался в кронах деревьев. Лес

наполнен густым шелестом осин и шорохом падения уставших, цепляющихся за ветви листьев. Не любит рябчик шума в лесу, поэтому и на манок уже вряд ли откликнется. А если и пискнет, то к охотнику не подлетит — не даст воспользоваться своей наивной доверчивостью. Утренние солнечные лучи зажигают палитру осенней листвы. Грядёт тёплый осенний денёк.

Прошло несколько недель. Хмурым октябрьским утром я выхожу из деревни на знакомую визиру. Внезапный ветерок перемешивает беспорядочные пряди облаков в сером небе. Лес прозрачен и гол, как король из сказки. Сейчас тихим утром неслышно подойти к местам обитания рябчика проще: влажный лист не хрустит под ногами. Я усаживаюсь на знакомую лесину, подложив под себя кепку. Дуняша занимает положение сфинкса и весь лес замирает в ожидании октябрьской части симфонии.

Часть вторая. Первый мой писк самцом заставляет всё живое в этом лесу занять свои места в партуре и внимать продолжению сюжета. Синички чириканьем выводят менуэт. Им вторит незатейливое скерцо раннего снегиря. Ответный писк петушка не заставляет себя ждать; я вслушиваюсь в посвист и знаю, какую нужно вывести трель для продолжения партитуры. После второй трели шумный подлёт самца на расстояние в пятьдесят метров вынуждает меня приготовить ружьё для стрельбы. Сейчас фальшивить в трели никак нельзя, иначе рябчик останется в чащобнике и ближе уже не подлетит. Недолгий обмен ариями и, после шумного подлёта, подняв хохолок, молодой рябок с любопытством осматривается на берёзе в двадцати метрах от меня. В эти минуты я бесконечно люблю и ценю свою собаку за её выдержку; как Кашпировский она сверлит глазами рябчика, не в силах пошевелиться. Финальный аккорд... и обладатель серого пушистого пера занимает своё место в ягдташе.

Я перехожу на место обитания соседнего выводка. После небольшой паузы на мой призывный посвист откликнулись аж

три самца. Отличное начало! Белка обходит свои угодья. Соскользнув с осинового ствола она взбирается на пихту и скрывается в кроне. Я попробовал пискнуть самочкой и тут же был наказан за своё безрассудство. Совсем недалеко самка-рябушка громко и незатейливо пискнула, да так, что у всех солистов симфонии внезапно пропал голос и желание продолжать диалог. Никакими руладами я не мог заставить откликнуться хотя бы одного рябчика. Птица запала накрепко. Не потерпела матушка-рябушка конкуренции на своей территории. Финал второй части симфонии закончился, едва начавшись.

Я не могу позволить себе взять более одной птицы с выводка за выход, чтоб не извёлся выводок рябчиков в месте их обитания; поэтому иду далее по влажному осеннему лесу. Рыжая одёжка Дуняши мелькает меж осин. Вспугнутая ею стайка пичужек пикирует на развесистую всклокоченную ветлу. Лес надёжно скрывает за еловым занавесом труппу солистов-рябчиков. Каждый раз, когда я слышу арию рябчика под куполом осинника, я застываю на месте чтоб не прервать симфонию местного обитателя. В душу вселяется приятное возбуждение. Я слышу, что лес живой.

СЫРА

*Моему отцу,
Алексею Михайловичу Домнину,
посвящаю*

Как магический сундук меня в детстве притягивал складной отцовский диван; точнее не он сам, а его содержимое.

Когда отца не было дома, я частенько прокрадывался в его кабинет и открывал переднюю створку дивана. В дальнем углу,

перевязанная красными и чёрными шнурками, располагалась связка колен бамбуковых удилищ с кольцами, спиннинг с огромной катушкой, всякие сеточки и мешочки. В отдельных коробочках лежали лески, крючки, грузила и блёсны. Похожие на мамину бижутерию, блёсны изображали красочных жучков, рыбок и ещё какую-то живность. Я подолгу перебирал блёсны и мормышки, любуясь ими и представляя себе сопротивление вываживаемой рыбы.

Конечно, в свои 12 лет, я уже был знаком с рыбалкой не понаслышке. Находясь в гостях у бабушки во время каникул, я частенько гонял с друзьями на речку оставшуюся от ушедшего после прорыва плотины Мотовилихинского пруда. Гольяны и пескари, сорожки да окуньки доставались благодарным кошкам.

Однажды отец, придя домой, позвал меня:

— Илюшка! Собирайся. Завтра ходим на Сыру — хариуса поудим. Дорога дальняя; переночуем и в воскресенье вернёмся.

Открыв диван, отец начал сборы рыболовного инвентаря. На белый свет появились удилища, лески и коробочка с мормышками. В два рюкзака — мой и отца были помещены провиант, рыбацкие принадлежности, котелок, кружки-ложки и прочее. Наш почти годовалый рыжий лайчонок Путька скакал вокруг, понимая, что скоро мы куда-то пойдём.

Я лег спать пораньше, но спалось плохо. Я задремал лишь за полночь и почти тут же проснулся от тряски за плечо.

— Илья. Вставай. Собираться пора. Четыре часа уже.

Наскоро попив чайку с подготовленными мамой бутербродами, мы оделись и вышли из дома. Городская ночь встретила нас влажным дуновением тёплого ветерка. Путька постоянно крутился на поводке и пристраивался у каждого кустика по пути. Тишину ночного города изредка прерывали шуршание колёс проходящего такси или далёкий лай собаки. Безлюдные улицы провожали нас бусинами погасших уличных фонарей.

Через полчаса мы покинули пригород и встали на широкую глинистую дорогу изрезанную глубокими колеями. Путик был отпущен с поводка на свободу.

— Идти нам ещё часа три. Придём, чайку вскипятим и за дело, — папа присел на пенёк в опушке.

— Пап! А как хариуса ловят? — вопрошал я.

— В речушке с прозрачной холодной водой водятся личинки ручейника — эдакие жёлтые червячки в домике из мелких щепочек и камушков. Цепляются они к коряжкам, траве или просто ползают по дну. Мы их наловим в коробочку. Насаживать ручейника будем на светлую мормышку — чтоб в воде на фоне темного речного мусора на дне была видна, — отец чиркнул спичкой и прикурил «Беломорину». — Забрасываешь мормышку в начало струи или в омут-ямку. Затем ведёшь почти у дна, подергивая, — отец жестикулировал, будто держал в руке конец удилища. — Сам увидишь, откуда хариус выскакивает, — тут уж не зевай! Захватив наживку, хариус верхней губой ощущает лесу и тут же стремится выплюнуть всё. Сам попробуешь — научишься. Только к берегу подходи медленно, не делая резких движений. И чтоб тень от тебя или удочки на воду не упала. Сверкнёт хариус бочком — и, поминай как звали! Лучше чтоб трава впереди была в пояс. Рыба очень чуткая и пугливая; одного поймал — гуляй с этого места дальше.

Из тёмной кромки леса с квохтаньем вылетела птица — Путька выгнал вальдшнепа. Радостно подскочив к нам, пёс радостно крутнулся и убежал вперёд.

Тёмно-бирюзовое небо куполом склонилось над вершинами тёмных елей по краям лесной дороги, ведущей нас в неизведанный коридор приключений.

— Сыра — речушка небольшая, метра два-три в ширину, — продолжал отец уже на ходу. — Течёт она большей частью в лесу, не встречая на своём пути селений. Лишь у деревни Софроны,

куда мы и идём, она выходит на опушку и метров через сто ныряет обратно в лес. «Сыра» — Сырая. Название, наверное, присвоено от обильности утренних рос поросли её берегов.

Впереди, в кромке дороги я вдруг заметил слабые огоньки. Решив, что мне чудится, я зажмурил на секунду глаза. Нет, не показалось! Огоньки с каждым шагом приближались.

— Пап! Гляди: мы в царство эльфов заходим! — громко вскрикнул я.

— Это светлячки, — усмехнулся отец.

Подойдя поближе, я разглядел в придорожной траве больших насекомых, размером с пчелу. Их брюшки светились ровным жёлтым светом.

От восторга дивного зрелища у меня перехватило дух. Я подобрал пару светлячков на ладонь. Они были мягкие и мохнатенькие. Совсем не страшные. Скоро на ладошке светлячки начали медленно угасать.

— Отпусти их. Не любят, наверное, они посторонних взглядов, — предположил отец.

И далее по дороге ещё метров сто нас сопровождала цепочка светящихся лампочек в кромке леса.

Восточная сторона горизонта заалела зорькой. Стало светлее. Пулька прибежал к нам весь мокрый после купания в придорожной луже. Он уморительно мотал мохнатой головой, закусив какой-то сучок, и подпрыгивал всеми четырьмя лапами как козлик.

Скоро стало так светло, что можно было разглядеть ягоды на стволиках земляничника. Местами нас провожали солдатики — подберёзовики в красных шлемах.

— Ну вот, почти пришли, — отец остановился у отворота, где на столбике красовался указатель «Софроны».

Лес расступился, и дорога уже рассекала луга с высокой сочной травой. Лёгкий ветерок замешал облачко пылицы тра-

востоя с подсвеченным первым лучиком восходящего солнца туманом. Взору открылся широченный луг на склоне, медленно падающем в лесистую низину.

Софроны остались за взгорком. Лишь банька за плетнём да крыша крайнего дома угадывались сквозь туман. Светящейся шляпкой огромного красноголовика вырастало на востоке солнце.

— Кукаре-ку-у... каре-ку-у... каре-ку... — разнесло эхо по долине набат раннего петуха. Почти сейчас же призыв к побудке был поддержан другими певцами. И вот уже эхо искусно заплело утренние куплеты громогласных солистов в единую песню торжества пробуждения.

Идти по росистому лугу оказалось занятием не из приятных. Брюки быстро намокли, и утренняя сырость обжигала колени. Впрочем, глядя на шагающего отца, я не смел жаловаться на мелкие невзгоды. В прогал леса на опушке устремляется заросшая дорожка. Журчанием воды под стареньким провалившимся мостком через реку нас встретила Сыра. Её омута стыдливо прячутся меж зарослей ивняка и ольховника. Каменистые перекаты реки одеты в кружева листы кувшинок. С весёлым гомоном пицужки пикируют с берёзы в заросли кипрея и шиповника.

В углу прибрежной поляны под берёзой с огромным наростом мы устроили бивак. Отец достал из рюкзака топорик и вырубил основательные опоры для подвеса котелка. Я насобирал сушняка, и уже через пару минут струйка ароматного дымка от костра обволакивала хвою стоящих рядом елей.

— Поищи-ка у реки чёрной смородинки, сынок; листочков молодых нарви в чай. Да котелок не забудь, — сказал отец, доставая папиросу.

— Пап! Ну откуда в лесу смородина возьмётся?

— А ты поищи — сам увидишь.

Через заросли крапивы и кипрея я проложил тропку к реке.

Ища глазами рыбу, я осторожно выглянул на воду. Отражённые от воды лучики солнца игриво подмигивали мне. Хариуса я не увидел, зато напротив меня над водой возвышался куст с чёрными блестящими ягодами. Перескочив мосток, я приблизился к кусту и сорвал пару листов. Терпкий душистый запах чёрной смородины ударил в нос. Я сорвал несколько антрацитовых ягод. Кисло-сладкие горошины лопались об язык и таяли во рту.

Вода со смородиновым листом в котелке зашумела, и отец приступил к церемонии заварки. Из рюкзака была извлечена жёлтая пачка со слонем на обёртке и щепоть чая переключивала в его правую руку. Левой рукой отец держал край переключивной с котелком. Присев перед костром, высунув кончик языка, отец как бы в нирване ждал момента вскипания. Метко послав щепоть чая в бурлящее чрево котелка, он быстро снял посуду с огня и довольный, вытер платком лысину.

— Жарко будет сегодня. Удочки готовы. Сейчас чайку попью и настроимся на мормышку; ближе к полудню паузы вылетят — тогда и поверху попробуем.

Мы позавтракали и направились к мостику ловить ручейника.

По песчаному дну в тихой заводинке медленно ползали странные веточки с прилипшей сбоку хвоей и мелкими камешками. Я достал одну из них и разломил непрочную трубочку. На ладонь легла бело-жёлтая личинка с чёрной головкой.

— Это и есть ручейник. Первое лакомство для хариуса.

— Кыш! — отец прогнал любознательного Путюку, замутившего нам воду.

Почти ледяная вода обжигала руку; мы насобирали по полтора десятка ручейников и разошлись по реке.

Я медленно подошёл к прибрежной траве и замер, пытаясь высмотреть в воде хариуса. На струе с песчаным дном стояли две полупрозрачные рыбки размером с пескаря. Не наш раз-

мерчик! Ниже поперёк реки расположилась коряжка. Казалось бы в ямке под ней никого нет, но на фоне тёмного древесного мусора я разглядел светлую загогулину очень напоминающую очертания нижней челюсти рыбы. Помня наущение отца, я осторожно опустил мормышку с ручейником выше по струе и подвёл к коряжке. Я уже доставал мормышку из тёмной ямки чтоб избежать зацепа, как вдруг откуда-то сбоку, блеснув белым боком, к наживке стремительно метнулась рыбина. Я инстинктивно дернул удилище; пролетев мимо наживки, из воды выскочил хариус и плюхнулся обратно. Такого я не ожидал! Руки мои тряслись и лоб покрыла испарина.

Наконец взяв себя в руки, я повторил манёвр. Когда мормышка скрылась под коряжкой, я сосчитал до одного и подсёк. Конец удилища загнулся под тяжестью и в темноте ямы я увидел извивающийся блестящий бок хариуса; за лесой он вылетел из-под воды, отцепился от мормышки и упал в крапиву.

— Пойма-а-л! — бросив удочку и не замечая жгучих укусов, я ринулся искать добычу.

На зов прибежал Путька и крутился вокруг меня, не понимая, что я ищу.

Сверкая на солнце ровными рядами некрупной чешуи на боках, с ослепительно белым брюшком и тёмной спинкой, на земле лежал с полторы ладони длиной хариус. Влажный и скользкий, он пытался выскользнуть из моих рук, но был водворён в сумку, устланную листвою свежей крапивы. Я расправил удочку и гордо направился дальше.

На повороте реки, под сенью черёмухи чернеет большой тёмный омут. Со знанием дела я оснастил мормышку ручейником и забросил её в дальний конец омута. Покачивая наживкой, я постепенно заглубляю её. Вот мормышка исчезла из вида... Лёгкий удар по концу удилища заставил меня подсечь. На конце лесы я ощутил сопротивление и уже радовался

очередной добыче. Достигнув поверхности воды, хариус сорвался и исчез в глубине. Хотя и была эта рыба меньше, чем предыдущая; всё равно я расстроился едва ли не до слёз. Ещё четверть часа я утюжил омут мормышкой; но всё тщетно. Осторожная рыба не клевала. До обеда я всё же поймал четырёх хариусов.

Попыхивая папироской, подошёл отец. Он принес ещё десяток.

Я в красках поведал о том, как ловко выловил первого в своей жизни хариуса. Отец ухмыльнулся:

— Лиха беда начало. Однако жарко становится. Пойдём, перекусим и отдохнём.

Пока я занимался чисткой картошки и лука, отец подновил костерок, вырезал два длинных ивовых прута и нанизал на них пару рыб. Он вычистил несколько хариусов для ухи и остальных засолил. Тем временем хариусы на костре подрумянились.

— Ну, попробуй-ка, Илья, деликатес, — отец протянул мне прут с жареным хариусом.

Чешуя рыбы легко отстала и на хребте осталось сочное нежное белое мясо. Невозможно передать превосходный аромат и вкус деликатеса. Я зажмурил глаза от удовольствия. Всё это стоило пройденных до реки километров, мокрых колен, ужаленных рук и потраченных нервов.

Ушица скоро подоспела. Обжигаясь и причмокивая, я запивал горячей юшкой из кружки разложенный, за неимением тарелок, на лопушке варёный картофель и рыбу.

— Ну, вкусно?

— Бу! Бу! Бо! — с глубоко набитым чёрным хлебом ртом закивал головой я.

Отец крикнул и достал «Беломор»:

— Чай ещё остался, — он подвинул котелок к костру. — По-

пасись, если хочешь, вокруг. Бруснишки к чаю набери. А я отдохну.

Отец привалился к пеньку. Путька растянулся рядом с хозяином, подставив солнышку пузо, распухшее от разглоданной только что косточки.

За полчаса я набрал пару пригоршней брусники и несколько белых грибов.

— Ну, грибы ты рановато стал брать. Не испортились бы. Завтра свеженьких наберём и маме унесём.

Отец набрал папоротника, переложил им грибы и завернул в лопух.

— Завтра будешь грибы брать — перекладывай их папоротником. Его червяк не любит, — научил отец. — Ну, пойдём поверху хариуса поудим.

Обнаглевшие после обеда пауты начали нас доставать своей назойливостью. Я наловил в коробок десятков насекомых, наверное, напрасно, так как дежурного паута можно было всегда снять с одежды.

Отец не торопясь снял с удочек мормышки и привязал крючки пятого номера.

— Подойдешь к струйке за травой и полетай над водой паутом там-сям. Голодный хариус выскочит из воды, — учил меня отец. — Размерчик сразу виден будет. Затем заводи наживку выше по течению и на воду клади. Только лесу держи на весу, чтоб на воду не упала. И не зевай. Глазом не успеешь моргнуть, как сорвёт он наживку и привет!

Дорожка, идущая от сломанного мостика, привела меня к соседней от бивака поляне. Сноп солнечных лучей, пробившихся сквозь листву исполинских осин, упал в лужу и рассыпался блёстками по поляне. Здесь Сыра, окружённая с моей стороны бурьяном и с противоположной ольховником, течёт по прямой. Я осторожно подошёл к краю травы. Лёгкий

ветерок из-за спины увлёк мою наживку на противоположную сторону реки. Небольшие харьюзишки выскакивали из воды мимо зависшего в воздухе паута.

Вдруг из-под моего берега в сторону наживки метнулся неплохой хариус и уплыл обратно. Я дождался когда порыв ветра утих и завёл наживку на воду выше по течению, поближе к своему берегу. Громкий всплеск мгновенным импульсом передался по снасти всем моим нервным окончаниям и я подсёк. Стограммовый хариус забился на крючке, сбрасывая с себя серебряные капли воды и перекочевал в сумку.

Динамичная рыбалка по видимой рыбе увлекла меня всерьёз и надолго. По сравнению с ней сидение за поплавком теперь представляется мне неэффективным времяпровождением.

Стала заедать мошка. Каждый шаг в чапыжнике поднимал новый её рой. Побродив ещё немного, я вернулся к костру. В моей сумке покоились пять хариусков.

Вдали послышался лай Путика. Отец возвращался, наверное, тоже не выдержав натиска насекомых.

Сообща мы доели уху, поставили на костёр котелок варить кашу на ужин и принялись за обустройство ночлега. Пока я заготавливал дрова, отец срубил жерди и устроил навес, загородивший спальные лежбища от леса.

— Это экран, — отец расстелил по жердям лёгкую клеёнку и стал закрывать её лапником, — ночью спереди костёр согреет, а холодный туман сзади не подкрадётся. Принеси-ка несколько пучков сена во-о-он с того стога; подстилку оформим.

За суетой незаметно солнце упало за вершины елей. На поляну спустились сумерки, и от этого костёр загорелся ярче. Высунув кончик языка, отец увлечённо обрабатывал ножом какую-то ветку с наростом, сам ещё не зная, какой персонаж получится из этой фантазии.

Вдруг Путика ощерился и залаял в темноту.

— Здорово живём! — из темноты к костру вышел мужичок в красной рубашке, в шетине на всё лицо и небольшой сумкой. — На рыбалку приехали?

Отец оживился. Он отложил деревянную фантазию и пригласил гостя к костру.

— Чайку? — отец повесил котелок с чаем на перекладину у костра.

— Можно. А я здешний, с Софрон. Захар я.

— Алексей, — отец достал «Беломор» угостить гостя.

— Ну, чего взяли? — гость продул гильзу папиросы.

— Да пару десятков хариусов с сыном поймали.

— Это что-ж за рыба такая? Я-то за налимом пожаловал.

Черёд удивляться перешёл к отцу. Как оказалось, наш гость не подозревал, что в реке водится хариус, а мы — что есть налим. Собеседники, азартно жестикулируя, стали делиться знаниями о рыбалке, снастях, бывлых удачах и уловах.

Я покормил Путика и улёгся глазеть за мерцающими на темном небосклоне звездами. В городе такого не увидишь! Не было на небе живого места, чтоб звёздами занято не было. «Открылась бездна, звёзд полна. Звёздам числа нет, бездне — дна». Порой звёздочки спутников пересекали небосвод и скрывались за горизонтом. Усталый и довольный, я провалился в забытие. Мне снились светлячки, танцующие над водой. Они взрывались и искры падали в воду, рассвечивая её во все цвета радуги.

По носу что-то защекотало. Соломинка загнулась к моему лицу от осиновой ветки, которую замозабвенно глодал Путька. Доброе утро, рыжее солнце!

— Ну, и здоров ты поспать! Вставай.

Запах свежего смородинового чая с дымком ударил мне в нос. Солнце стояло уже высоко. Захара не было.

— Грибочков наберём и домой. Чтоб до жары успеть, — отец собирал завтрак. Удочки были уже уложены.

Я наперегонки с Путькой побежал на реку умываться. Он шмякал лапой воду, поднимая тучу брызг и ловил их ртом на лету.

Подсолёный хариус на завтрак напомнил мне о вчерашних впечатлениях. Душистый чай укрепил воспоминания.

После пары часов ходьбы по полянам наши кульки были наполнены тугими подосиновиками и боровиками. Отец поколдовал над моим рюкзаком: несколько распорок из веток были закреплены так, чтоб грибы дорогой не помялись. Я переложил урожай листьями папоротника. Бивак был собран.

Гостеприимная поляна и берёза с наростом остались за мостком. Осины шуршали листвой нам вслед. Роса на лугу уже подсохла. Заезавшаяся на лугу лиса, расправив пушистый хвост, изящными прыжками мчалась по лугу. За ней с заливыстым лаем мчался Путька. Лиса исчезла в прибрежной крапиве, а Путик с чувством выполненного долга помочился на ближайший кустик и направился к нам.

— У деревни, Илюшка, надо бы его на поводок взять, чтоб до местных кур не добрался.

Высокая песня жаворонка зависла в небе. Редкие облака восседают на вершинах деревьев вдоль холма.

— Пап, а в других речках хариус водится?

— Не во всех, Илья. Только с чистой водой. Если поблизости — Мось, Васильевка. Мы с тобой туда обязательно сходим!

ПОСЛЕДНИЙ ДУПЛЕТ

На шум замка входной двери собака подняла голову и слабо вильнула хвостом. В свои пятнадцать лет Сара уже ничего не видела и слабо слышала. Лишь чутьё ещё не подводило её. Вот

и сейчас, почуяв запах хозяина, она попыталась встать на лапы.

Он задумал сделать это ещё полгода назад, чтоб не мучить уже собаку и себя. После операции к собаке невесть откуда привязался букет болезней. Куча лекарств в обед и ужин, ненавистные уколы с трудом поддерживали Сару, чтобы были силы самостоятельно подойти к кормушке или выйти погулять.

Хозяин помог собаке подняться; сыпнул корма в плошку. По пути на кухню Сара ткнулась и обошла косяк двери; есть не стала, лишь немного полакала воды и невидящими глазами повернулась к двери на звон карабина поводка.

Сара — ирландский сеттер. Её хозяин ещё в юности заболел этой породой. Природная красота, экспрессия и изящество охоты с легавой определили его выбор навсегда.

Вердикт Главного эксперта был неутешителен.

— Твоя собака — дерьмо! Морда «сухая», хвост не оперён, характер скверный, впрочем, как и у хозяина.

Приговор эксперта расстроил хозяина но, стиснув зубы, он настойчиво продолжал уроки с молодой собакой.

Всё свободное время он отдавал её воспитанию и натаске в полях за городом. В результате к трём годам у Сары в паспорте красовались расценки нескольких полевых дипломов III степени. Наличие рабочих дипломов позволяет хозяину повязать собаку, и он увез её в Москву, в питомник на вязку с потомком ирландских основателей породы.

Фаворита среди щенков ветеринар определил на третий день. Знающие люди рекомендовали хозяину оставить его в родном городе, чтоб следить за его развитием, при необходимости помочь в воспитании. Так Ричард попал в руки хорошей знакомой хозяина.

Вторая жена сбежала от хозяина к матери не в силах более терпеть суетливое и шумное соседство, когда щенкам было всего две недели. Хозяин же (теперь — заводчик), опуская

утром ноги с дивана, непременно оказывался ими в луже щенячьих экскрементов и в пальцы ног впивался десяток острых как иголки молочных зубов. Впрочем, в этом и есть счастье заводчика: наблюдать как мутузят друг друга здоровенькие, рыжие плюшевые щенки.

Ричард рос послушным и статным. Годовалого кобеля хозяин часто брал с бой в поле; занимался его натаской. Стремительный и чутыистый кобель к трём годам имел дипломы I и II степени на испытаниях, звание Полевого чемпиона и прочие регалии. Теперь Главный эксперт не мог сказать бранного слова в адрес матери, а тем более и самого Ричарда.

Сегодня он сделает это. С каменным сердцем хозяин вёз собаку на Ферму, за город в места, где они неоднократно утюжили луга в поисках дупеля под звонкую песнь жаворонка в лазурной глубине неба.

Хозяин вынес Сару из джипа, поставил её на траву и отвязал ошейник, предоставив собаке возможность поохотиться в последний раз. Аромат кипрея смешался запахом отцветающего травостоя. Собака подняла морду, шумно вдохнула влажный вечерний воздух и потянулась к зарослям крапивы вдоль ивняка. Хозяин сложил «Зимсон»; зарядил ружьё.

Чутье не подвело её. Сара напряглась и потянула вдоль зарослей; она ничего не видела и не слышала; лишь ведомая только ей ниточка запаха птицы манила её вперёд. Сара встала. Самый дорогой момент для легашатника — стойка собаки перед птицей. Этот миг дорогого стоит; он венчает все потраченные усилия по натаске легавой собаки.

Хозяин поднял стволы, прицелился... затем отвел их от собаки, скинул куртку в траву и сел на неё. Пожалуй, впервые в жизни он не знал, как ему поступить. Рука не поднималась оборвать час собаки, которую он вскормил и воспитал. Это его ребёнок; это он её вылепил из пластилина такой как есть.

С ней он делил матрасик в палатке, бегал по лечебницам и не спал ночами когда она болела, принимал у неё роды... Сара неслышно подошла сзади, легла, положила голову на его колени и глубоко вздохнула ...

Вечернее солнце склонилось к закату. Закатное марево неба с гулом разрезал самолет. Нескончаемый шлейф воспоминаний лентой Мёбиуса крутился в памяти хозяина... Внезапно хозяин остро ощутил, что рядом чего-то не хватает. Он опустил руку на шею собаки. Пульса не было...

Сара ушла. Ушла навсегда, не оставив хозяину выбора между жалостью и грехом. Хозяин поднял глаза к небу. Вдох горя и облегчения вырвался из его груди; он осторожно опустил голову Сары на траву, достал из джипа лопату, прокрывало и бутылку водки. Полбутылки он выпил одним махом. Укутал тёплое ещё тело в кокон покрывала и отправился искать место для могилы.

Негнушимися пальцами он достал телефон и набрал номер беглой жены.

— Бери такси и гони на Ферму. Увези меня домой. Я пьян. Сара умерла.

Глотая слёзы, хозяин оформил невысокую могилку на пригорке, обдуваемом вечерним ветерком; затем принёс ружьё и допил остатки водки.

Закатную тишину разорвал дуэт. Последний дуэт — салют чести и памяти верного друга. Хозяин растянулся на влажной траве и дал волю чувствам...

Чёрный джип шуршал колёсами по влажному асфальту ночного города, неся хозяина в состоянии полузабытья домой.

Завтра он проснётся, и совершенно точно будет знать, что очень скоро в его жизни появится новый друг, в которого по закону реинкарнации вселится душа ушедшей собаки. И это будет обязательно ирландский сеттер, дочь Ричарда и внушка Сары. И кличка ей будет бабкина: Сара.

ПЕРЕХИТРИЛ!

Зычный птичий крик разносится по долине реки весенним утром. Это токует пара редких для наших мест журавлей. Разлив реки Вильва в этом году такой сильный, что вода хлещет в полуметре ниже полотна моста, затопив по колено даже подступ к мосту. Прибрежные луга залиты аж до кромки леса. Хребет потока воды вдоль русла реки бурлит в неукротимой силище весеннего половодья. Мутное течение с лёгкостью перекачивает по притопленному лугу брёвна, сопровождаемые древесным мусором. Сейчас самый пик половодья. Весенний воздух чист и свеж. Я ни с чем возвращаюсь с утренней зорьки. Подготовленный скрадок на уток оказался затопленным; да и подойти к нему можно только в болотных сапогах. Утиные чучела покоятся у меня за спиной в вещевом мешке.

Обширная луговина за рекой перед деревней разрезана подковой древней заросшей старицы. Когда вода сойдёт, между высоких кочек в старице совьют свои гнёзда чиби́сы и бекасы. Вдоль края старицы от моста, на незатопленной возвышенности, в середину луговины врезается гривка деревьев; узенькая, но способная спрятать охотника. Я пробираюсь в конец гривки поглазеть на разлив.

В бесконечном зеркале разлива отражаются всклокоченные облака на фоне голубого неба. Глубина отраженного небосвода подчеркивает масштабность половодья. Среди подтопленного ивняка в двухстах метрах от меня, выше по течению крутятся три серенькие уточки и селезень среди них. Ничто не нарушает идиллию весеннего ухаживания.

Вскоре, то ли потеряв надежду, толь терпение, селезень вдруг взлетает и вдоль русла реки перемещается вдоль излучины ниже по реке, сев на воду аккурат между серединой гривки и мостом. Подкравшись поближе, у меня есть возможность

поближе полюбоваться весенним брачным оперением утки. Это чирок. Головка селезня светло-коричневая с сине-зелёной полосой вдоль глаз; оперение светло-пёстрое с зелёненькими погонами на крыльях. Немного посидев, селезень скрывается под водой в поисках пищи.

Я прикидываю: до утки метров шестьдесят; метров сорок сушей и двадцать — вода. Сидит чирок на мелком месте. По суше на пути к утке есть небольшая ямка, в которой можно укрыться. Есть возможность перехитрить осторожную птицу. Селезень вновь скрывается под водой, а я гляжу на часы: через пять секунд он выныривает и замирает во внимании. Теперь, как только утка вновь скрывается под водой, я уже бегу к ямке и ложусь на бок, уткнув голову в небольшую кочку с былинками прошлогодней травы. Одним глазом я наблюдаю: чирок вынырнул, подождал немного и снова нырнул... Добежать до обреза воды уже не представляет труда и гулкий выстрел завершает скрадывание селезня. Без труда достав из воды добычу с моста, я направляюсь домой. Майское солнце пригревает; подснежники на опушке протягивают к нему свои белые венчики. Из лесочка с ветерком долетает душистый запах хвойной смолки. В деревне с крыши своего домика затейливой трелью меня встречает скворец. Афонасий Михалыч, местный житель, приветливо машет мне рукой. С полем!

НА ВЕСЕННЕЙ ТЯГЕ

Я закрыл отдушину в баньке, затворил дверь и отправился собираться на вечернюю тягу вальдшнепа. Восточная сторона небосклона уже вызвездила, а западная ещё горит отсветом только что севшего светила.

Минут через десять я подхожу к замеченному загодя месту наилучшего пролёта самцов вальдшнепа на весенней тяге — справа срывается в пойму речушки Мутная крутой склон, впереди — стена высокого ельника вдоль старых карстовых воронок, слева — стена молодого ельника, зарастающего край старого поля. Заросли его столь плотные, что чрезвычайно трудно продираться сквозь полосу хвойной стены, когда подойдёт пора здесь рыжики брать по осени.

Станет чуть посумрачнее, и из поймы, из верховьев Мутной полетят на поляны завлекающие подруг причудливыми звуками любвеобильные вальдшнепы. А не нашедши пару в этот раз, они тем же местом, с другого угла вернуться к местам обитания, подставляя себя на выстрел повторно. Обмануть наивную птицу проще простого: достаточно подкинуть над собой шапку — ушанку или причудливое корье, чтоб пролетающий стороной самец повернул в твою сторону, приняв мелькнувший предмет на взлёт и посадку желанной подруги.

Я зарядил «семёрку» — дробь в оба ствола своей «ижевки». Ружьё досталось мне в наследство от отца, азартного ходока, заразившего меня бродяжничеством с ружьём по холмам ещё с юношества. Изящное ружьё ИЖ-58 с ореховым прикладом и серебряной инкрустацией на колодке — вовсе не кабинетный раритет, а боевой друг с многокилометровой историей увлекательных походов. Его дульные очи видели и медведя, и кабана, и дичину всякую — всё, что выцелит пыливый глаз охотника.

Вечерний тягун — ветер — стихает, запутавшись в стволах деревьев. Западное облако сияет, подсвеченное утопающим в закате солнцем. Из высокого леса потянуло свежестью; там под кронами елей в низинах ещё лежит снег.

Клокочет бурная струя реки под горой; синичка пиньгает за стволом высокой ели. Лес словно зевает и готовится уснуть.

Лишь дрозды никак не уgomонятся; перекрикивают друг друга, вылетая с ельника на кроны.

Вдруг справа, над молодым ельником схлопали чьи-то крылья. «Наверное, самочка вальдшнепа прилетела на место свиданий», — подумал я, ещё не подозревая, как оказался прав.

Пара минут вечерней тишины — и между ёлками послышались чьи-то шажки по сухой прошлогодней листве. Они приближаются ко мне... Я насторожился и замер.

Ближайшая ёлочка всего лишь в метре от меня. Из-за стволика показался прямой длинный клюв, затем изящная головка с большим влажным глазом; и вот моему взору предстала в пёстром одеянии самочка лесного кулика. Немного присев, как бы принцесса в реверансе, она застыла, впрочем, как и я.

Минуту мы изучали друг друга. Всего минута, чтоб во всех подробностях рассмотреть её великолепное пёстрое оперение, чуткие влажные глаза, аккуратные окончания крылышек с погонами, твёрдый прямой блестящий клювик.

Через минуту само совершенство чопорно повернулось ко мне не самым лучшим своим ракурсом, веером расправило павлиньим манером хвост, и, квохтая, удалилось под низкие хвойные ветви в заросли.

Чувство очарования от увиденного сменилось лёгким расстройством расставания. Не часто ВОТ ТАК доводится увидеть на расстоянии вытянутой руки лесное совершенство.

Из ступора меня вывел звук хорканья вылетевшего из-за поворота вальдшнепа. Не в силах поднять ружьё, я проводил его взглядом. С возрастом становишься сентиментальнее. Не хочу расстраивать свидание. Минут через десять-пятнадцать, после облёта полян, он завернёт мимо меня обратно в пойму, и здесь уж я не промажу...

С полян за реку стремглав слетел тетерев. Невдалеке цвиркнул и захоркал другой самец. Тяга развернулась.

Сегодня ясно. Поэтому тяга пришла немного позднее и летит вальдшнеп высоко. В ветренную и пасмурную погоду тяга начинается раньше, и самцы летают намного ниже.

Самцы налетали на меня справа и слева, угонные и боковые. «Хорошее место я выбрал. Наверное, слово „хор” имеет отношение к хорканью вальдшнепа — характерной трели, которой самец весной зазывает самочку», — подумал я.

Через полчаса лёт птиц прекратился. Угомонились дрозды. Мой подсумок оттягивают три добытые птицы. Звёзды перемигиваются в куполе неба над тропкой вдоль склона. За поворотом показалась крыша дома. Пахнуло дымком. Вместе с сумраком спускается на землю ночная прохлада.

Я поёжился. Скорей домой, в баньку на тёплый полоч в душистый аромат берёзового веничка!

ВЕСЕННИЙ НАЛИМ

Тёплое майское солнце стоит высоко. Зацепившись за редкие облака в изумрудном весеннем небе, оно приветливо выглядывает из за вершин елей, стоящих гривкой вдоль раскисшей дороги. Из всего пути в деревню особенно трудно достаются последние триста метров. Урча пониженной передачей, внедорожник неторопливо переползает залитые талыми ручьями колеи под звонкое журчанье потока. Солнце вдруг выплёскивает на капот своё отраженье и заставляет зажмуриться. За поворотом открывается вид на изгороди и немногочисленные подворья.

Стена леса за поляной бывшей поскотины гулко отражает щебетанье скворцов. Сидя на крышах своих домиков, они соревнуются в красноречии. Ласточки пикируют на край дороги, присаживаются и тут же взмывают, унося в клювиках частички

строительного раствора для своих гнезд. Лепнина их домиков кучкуется под скатами крыш высоких деревенских домов.

— Где-ж тебя носит? — захавший вчера сосед Серёга хвастливо поднимает над заборчиком связку из трёхкилограммовых налимов.

— Ух-ты! На что ловил? — завидки начинают разъедать меня.

— На червя. Крупного. Вчера вечером посидел после заката с донками — и вот! — расплывается в улыбке Серёга.

Пик половодья на Вильве уже миновал. Река улеглась в берега, но мутная вода стоит ещё высоко. Всклокоченные шапки водорослей и сухой травы на вершинах прибрежного ольховника да разбросанный по прибрежным лугам древесный мусор напоминают о недавней силище и высоте беспощадного весеннего половодья.

После недолгих хлопот по хозяйству я выношу рыбацкие принадлежности на столик в огороде, чтоб заняться донками.

— Не спеши, Илья! — оперевшись на палочку, у калитки стоит Михалыч, пенсионер, знаток и мастер на все руки. — Здравствуй!

Михалыч неторопливо, по-стариковски заходит за ограду и усаживается на скамейку у столика.

— Ты знаешь, какой снастью местные жители об эту пору налима ловят? Снасть нехитрая и нехлопотная.

— Я весь внимание; очень рыбки хочется, — я сглотнул слюну.

— Так вот, — важно начал Михалыч, — перво-наперво вырезают двухметровый хлыст в полтора пальца толщиной. Вбивают в него два гвоздика — мотовильца для укладки лески. К восьми-десятиметровому куску лески потолще крепят грузило; на другом конце — петля вокруг середины прута. За метр и три от грузила на леске завязывают петельки для поводков.

Из лески потоньше вяжут поводки с крючками на конце. Конечно, лучше бы маляву (гольяна) насадить, да не добыть его сейчас в мутной и высокой воде.

Михалыч достал мундштук, неторопливо его прочистил, снабдил сигареткой и закурил.

— Удиль просто: расправил леску, воткнул прут в прибрежный ил под берегом и забросил. Забрасывай там, где за поворотом есть обратная тяга. Вечером поставил; утром снял. Засекается налим крепко — никому не денется...

Через полчаса я уже крепил к ивовым прутам известную снасть.

До вечера ещё далеко. Затопив баньку, я занялся домашним хозяйством. Раздобыть породистых червей оказалось непросто — земля ещё холодная. Раскопки в два штыка глубиной на компостной куче всё же принесли мне положительный результат поиска.

Начинает смеркаться. Я закрыл готовую баньку и, укомплектованный всем необходимым, вышел на реку. Перед прямой русла у моста река даёт левый поворот и, переходя в плёс, образует на нашем берегу обратное течение под берегом. Размотав леску, я поднял петлю лески на удилище повыше и окунул прут в воду под берегом; через метр с небольшим он достиг дна. Я воткнул в ил удочку покрепче, чтоб не унесло, и отрегулировал леску на пруте чуть выше уровня воды. Оснастив крючки, я забросил удочку там, где обратный поток смыкается с основным — в самое глубокое место. Вторая удочка заняла место чуть ниже по течению, с грузом в середине омота. Так, настроив удочки я отправился восвояси до утра.

Утро выдалось прохладным. Рваные клочки тумана кучкуются у опушки там, где ещё не растаял снег. Подснежники расправили свои венчики навстречу солнцу. Пернатые солисты на скворечниках перекрикивают друг друга.

Толстым червем мутная речная вода проползает своё русло. Прутья удочек наклонились в сторону туго натянутой лески и слегка вибрируют. На всякий случай я слегка подсёк и начал выбирать лесу. На ходу очищая её от ошмётков водорослей, натянутых течением, я скоро добрался до первого поводка. Мне показалось или что-то ударило по руке? Налим грамм на восемьсот шлепнул хвостом по воде и перекочевал на берег. Второй крючок оказался пуст и забит травой.

Другая удочка принесла мне ещё одного, такого же красавчика — налима. Я замотал лески на мотовильца и, не снимая рыбу с крючка, довольный, направился домой.

Мои домашние ещё спят. Через пару часов они встанут, и им на завтрак будет подана душистая налимья уха.

Недельки через две река уже проиграла — вода в ней стала чище, течение спокойнее. Об эту пору шурята — «карандаши» выплывают на отмель погонять голянов и погреться на тёплом весеннем солнышке.

Я, вооружившись лёгким спиннингом иду вдоль берега. К срезу воды сейчас не подойти — илиста прибрежная полоса. Вот уже знакомый плёс и ямка за ним. Первый заброс, второй... В середине ямки блесна цепляется за что-то. Жалко терять посеребрённую колебалку! Я потихоньку натягиваю лесу в надежде стронуть с места коряжку с блесной. Ура! Она подаётся потихоньку. Вслед за блесной на плёс выползает... кусок старой сети! И в середине лоскута сидит застрявший в сети налим килограмма на два! Живой! Я перевожу дух не в силах поверить в удачу. Награда нашла своего героя!

Весомый трофей занимает своё место в сумке, а я, немного побродив ещё вдоль реки, возвращаюсь домой. Жёлтые бутончики купальниц у леска упруго раскачиваются на ветру. Скворцы снуют между опушкой и домиками. Теперь им не до песен — вывелись птенцы.

Разноцветные кофточки огородниц мелькают между грядками за забором. Черёмуха склонила перед окном свои белые локоны. Терпкий запах её медоноса краешком задевает моё обоняние и уносится прочь верхом на лёгком ветерке.

Не помню: где-то я читал древний рецепт приготовления ухи из налима. Запомнилось мне, что перво-наперво с налима берут печень и секут её до тех пор, пока она от огорчения не увеличится...

РАННИЕ ДЕЛИКАТЕСЫ

«Далеко-далеко в лесу, где вековые ели укрыли своими кронами несмелый подрост, на полянах вокруг шелестящих листов осин водят хоровод кусты малины и калины, под старыми пнями и моховыми корнями деревьев вырыли свои пещерки-домишки лесные гномы. Рано-рано утром они поднимаются и гуляют по лесу; лакомятся ягодами и запивают их росой. Когда идёт тёплый дождик, гномы прячутся под грибок или лопушок. Солнечным днём они отдыхают на травке, мурлыкая свои любимые песни ...», — как дежавю, во мне в рассветной полудреме проснулось воспоминание бабушкиной сказки, которой она убаюкивала нас с сестричкой в детстве.

Из-за окошка, отражением в зеркале, мне подмигнуло яркое майское солнце. Я умылся и вышел на веранду.

— Долго спишь, лежебока, — звонко хохотнула соседка Тамара, поднимаясь от куста жимолости. Первыми весенними ягодами банка была уже наполовину заполнена. — Иди, угостись.

Я засыпал в рот пригоршню ягод. Кисло-сладкий, слегка терпкий аромат расплескался по рту.

— Тома, мне сегодня сон приснился про гномиков. Это символично: пора идти по грибы.

— Что тут символичного? И какие сейчас грибы? Середина мая.

— Сморчки-строчки, Тома. Их шляпки сильно напоминают гномовы шляпки-колпачки. Я вот позавтракаю — и в лес. Они наверняка уже вызрели на верхних полянах.

— Ну, коли так, я с тобой. Ой, а как же клещи? — спохватилась она. — Тепло: они лютуют.

— Не расстраивайся. Я заветное действо против них знаю: берёшь с собой лёгкую прочную тросточку и каждый кустик или травку, что выше сапога по пути тросточкой ударяешь. Сидит клещ непрочно, а от удара на землю сваливается. Поверь, который год хожу так весной, и клещей с себя давно не снимал.

— Ишь ты! Ну, посмотрим. Завтракай пока, — Тамара снова углубилась в куст жимолости.

Я наскоро перекусил вчерашней похлёбкой, запил наваристым чайком с мятой. Заправил портянки в сапоги. Надел куртку-энцефалитку и шляпу. Тамара уже ждала меня у калитки.

С соседних огородов на крышах скворечников перекрикивают друг друга скворцы. За рекой пикируют на кочкарник с зычным криком пара чибисов. Где-то в вышине, у солнца, разносит свою трель по небосводу жаворонок.

За околицей мы перешли овражек под клочкотание напора загнанного под нами в трубу ручья и встали на дорожку, ведущую к полянам на холме водораздела.

На лугу в нос ударил запах весеннего травостоя. Низкий ветерок срывает ароматы с колосков прошлогодней травы и невысокой ещё зелени. На лесной дорожке аромат гуще: запах свежей смолки с набухших еловых ростков разбавлен амбре прелого листа. У тропы местами встречаются кучки загогулинок птичьего помёта в жёлтой лужице: здесь ночевал в снежной

лунке рябчик. Тянут к солнцу свои синие и красные венчики первоцветы. Подснежники встречаются лишь в тени. Их время проходит.

— Илья, смотри, красота какая! — Тамара остановилась около ёлочки, обвитой выющим стеблем с большими белыми цветами. — Я его на обратном пути возьму и в саду прикопаю.

— Во-первых он скоро отцветёт, во-вторых я сомневаюсь, Тома, что он приживется. Ему милее здесь на кислой лесной почве в тенёчке. Приходи почаще здесь им любоваться.

Наконец, мы вышли на зарастающие молодняком поляны. Прошлогодний лист устилает землю ровным ковром. Ковёр топорщится там, где проткнут молодым подростом ветлы или столбиками первоцветов.

В дальнем конце поляны застыл пёстрый пушистый столбик. Это заяц. Греясь на солнце, он не сразу нас заметил, замешкался и запрыгал в опушку, сверкая былыми штанами — остатком своего зимнего наряда.

Северная сторона поляны освещена солнцем. На южной, теневой стороне, кучкуется лёгкий туман, струящийся из тени густых елей, где ещё местами лежит снег.

Я остановился от странного чувства, словно кто-то подглядывает за мной. Позади меня, склонив головку набок, словно гномик в колпачке, из-под листа показался гриб. Сморщенный конус его шляпки ещё не подсох. Я срезал ножку и поместил грибок в пакет; оглянулся вокруг себя. Гномы не гуляют в одиночку.

Кое-где листва снова топорщится. Я тросточкой отодвинул лист; вот он, еще один сморчок. Через несколько шагов, словно сговоровшись, меня стали окружать причудливые шляпки, умело замаскированные под листвой. Каждый грибок виден только с определённой стороны.

Возле гнилой коряжки блеснул из травы сморщенной лы-

синой крупный барашек — гриб. Это строчок. Ножки у него почти нет. Он весомее сморчка и растёт уединенно.

Вдоволь накружившись по поляне, мы с Тamarой засобирались обратно. Радостным щебетаньем нас провожают птицы. Солнце припекает. Под его лучами кружат хоровод сине-красные венчики медуницы и жёлтые букеты мать-и-мачехи. Где-то под листвой спрятались гномики-сморчки. Их время ещё придёт.

— Насобирали, а как ты их готовить будешь, Илья?

— Заварю три раза крутым кипятком, как мама учила. Солью тёмный отвар. Грибы скукожатся, потеряют темный цвет, — и на сковороду с маслом. Да под лучок. Морковку и сметанку — на вкус кулинара. Не помешают пара листов лавра.

— Ну, разошёлся! Тебя послушать: нет ничего вкуснее, — соседка сглотнула слюну.

За деревьями показались крыши деревенских домов.

— Мои скоро приедут. Заваривай, Тома, компот из жимолости и заходи на пробу — уже не пожалеешь.

НАУКА НА КОНЦЕ КОРОМЫСЛА

В конце 1970-х маленькая деревенька Боковая была ещё обитаема. Она состояла из 12–15 подворий без магазина, приличных подъездных дорог и прочей инфраструктуры. Боковая расположилась на живописном берегу реки Вильва, окружённая парой-тройкой полей, засеваемых фуражными злаками, да лесистыми холмами. Недалеко на угоре расположилась ферма. По единственной улице неторопливо гуляли местные козы, гуси и куры. За мостом в излучине реки на лугу паслись коровы колхозного стада.

Именно в этой деревне мой отец по наущению близких своих друзей, уже имевших подворья в Боковой, приобрёл дом.

Дом оказался крепким, хоть и слегка покосившимся, сработанным из исполинских брёвен, когда-то двухэтажным. Нижний этаж до середины заколоченных окон врос в землю. Афанасья Спиридоновна, одна из немногочисленных местных жителей, поведала нам, что раньше в этом доме была местная школа. На высоком потолке в месте, где когда-то были полаты, красовались вырезанные ножичком надписи: «Ганисев 1929 г.», «Ганеев», красноречиво говорящие о древности строения и его принадлежности к образовательным учреждениям. Дом уже несколько лет был необитаем так как хозяева перебрались в леспромхозовский посёлок поближе к благам цивилизации.

После разбора завалов прежнего незамысловатого деревенского быта и мойки потолков было объявлено новоселье с привлечением соседей и знакомых. Старинный стол с потрепавшейся столешницей был устелен клеёнкой и расположен посередине выкошенной поляны на заросшем огороде. Зелень и овощи с соседских огородов весьма уместно пополнили кворум нехитрой городской закуски и «беленькой».

Ставший почти уже местным горожанин Михалыч гордо преподнёс нам на новоселье новёхонькое берёзовое коромысло, сработанное им самолично. Под чарочку он поведал нам о непростой технологии изготовления коромысла и других освоенных им ремеслах. Подарок был весьма кстати потому, что воду приходилось носить с ручья за полторы сотни метров от дома. О насосах и шлангах тогда никто ещё и не мечтал. Крючков для подвешивания ведер на новом коромысле естественно не было.

После непродолжительного рытья в дворовом хламе один крючок был снят с перегнившего обломка древнего коромысла и водворён на новое место. Вместо второго крючка мною и сестрой Наташкой в другой конец коромысла был завинчен

ржавый, но ещё крепкий шуруп. Худо-бедно нужный в хозяйстве инструмент был запущен в эксплуатацию, хоть и с недочетами.

Городская ось времени мчалась параллельно деревенской. В те года я учился в университете. По собственному разгильдяйству не попал на третьем курсе на радиофизику, я вынужден был грызть гранит физической науки на кафедре металлофизики. На четвёртом курсе лекции по металловедению читал заведующий кафедрой Ефим Григорьевич Айзензон. Его манера изложения материала могла соперничать, на мой взгляд, со сценическими монологами известного актёра Игоря Ильинского. С горящими глазами и высоко поднятыми бровями, он увлечённо ведал нам, студентам, об интереснейших превращениях твёрдого раствора углерода в железе — из аустенита в перлит, мартенсит и прочие структуры. Он твёрдо знал, что открывшие рот студенты не в силах записать материал с его изложения сразу, поэтому Ефим Григорьевич десять минут говорил и десять минут давал за собой записывать.

Среди прочих наук Айзензоном нам был прочитан курс о превращениях в алюминий-медных сплавах. Физика процесса состоит в том, что дюралюминий после нагрева и закалки становится мягким и пластичным как чистый алюминий. В течение шести часов после этого немногочисленные атомы меди разбегаются по алюминию и располагаются в свой строй — кристаллическую решетку под названием «зоны Гинье-Престона». Эти превращения приводят к тому, что дюралюминий принимает прочность сравнимую со стальной.

Дорога с электрички до Боковой занимает всего полчаса. Проходя с семьёй мимо фермы, я заметил лежащий под забором блестящий прут, который мог пригодиться в хозяйстве. Дюралюминиевый прут оказался обломком какого-то

механизма. Свежо предание... я вспомнил о зонах Гинье-Престона и представил себе будущий крючок к коромыслу.

Растопка буржуйки не заняла много времени и, награв прут докрасна, я окунул его ведро с водой как велит наука. Почти пластилиновой пластичности материал был превращён на ковальне в будущий крючок; гвоздиком я проковырял дырочки для шурупов. Семья отнеслась к моей затее сначала с любопытством, а затем с усмешкой. Папа погнул готовое изделие и ехидно заметил:

— Троечник ты!

— Посмотрим, что будет завтра, — я положил крючок на полочку и ушёл рыбачить.

Потом за огородными заботами как-то забылись новаторские идеи. После баньки и вечернего чаепития мы увалились спать на набитых душистым сеном матрасах.

Разбуженные петухами, ранним утром мы с сестрой Наташкой вскочили и, попив молочка, отправились в лес по грибы. Уже в лесу я вспомнил о заготовке крючка, оставленной на полочке. Я отправил Наташку проверить масляточную грибницу и, наскоро спрямив дорожку, почти побежал домой. Перепрыгнув через ступеньку лестницу в сени, я тихонько вошёл а в избу. Мама с папой ещё спали. Я на цыпочках подошёл к полочке, схватил крючок и вышел в сени. Ребяческий восторг овладел мною: крючок не гнулся и звенел при постукивании.

Я едва дождался, когда родители встанут. Крючок уже был привинчен мною к коромыслу, и оно было повешено на почётное, самое видное место. Я торжествовал!

Папа что-то буркнул спросня в ответ на мои приставания и отправился умываться на ручей. Только после того, как на новеньком коромысле я принёс пару вёдер воды с ручья, папа обратил внимание на новшество. Безрезультатно попытавшись погнуть новое изделие, он вымолвил:

— Ну, молодец. Делу тебя научили.
О наивысшей похвале я и не мечтал...

Сосед Михалыч очень внимательно выслушал мои изложения о технологии изготовления крючка и «намотал их ус». Легкомысленной Наташке было наплевать на глубокие научные корни новшества. Она разбирала принесённые грибы.

Годы минули. Нет уже коренных жителей в Боковой. Дома освоены приезжими дачниками из города. Подъездные дороги по-прежнему находятся в плачевном состоянии. Огороды орошаются по трубам и шлангам из ручья. Старое коромысло висит в сенях на гвоздике за ненадобностью. Только различие в цвете материала крючков на его концах даёт повод вспомнить о творческом подходе к устройству скромного деревенского быта, основанном на фундаментальной науке.

ЛЁГКИЙ ПАР ПО-ЧЁРНОМУ

— Ну, кто-ж тебя заставляет по стенам в бане шарахаться? Сел на полок — и сиди.

— Всё равно, старик, чёрная баня — грязная! Все стены в саже.

Мы с моим бывшим одноклассником Мишкой эмоционально спорили о плюсах и минусах бани по-чёрному.

Когда я решил на даче в деревне построить баню, то прежде спросил у матушки:

— Мам, какую баню лучше строить, по-белому или по-чёрному?

— Только по-чёрному, сынок! Когда Лена ещё маленькая была, да вы с Наташкой родились, была у нас с отцом при доме на Висиме банька по-чёрному. Все простуды-болезни я вам в

бане выпаривала. Дух в ней особый. Баня прогревается равномерно, сухая, стерильная от высокой температуры и долговечная. Сажа поглощает дурные запахи и от стен воду отталкивает. Белая баня стоит лет 8—10 до ремонта, а чёрная — лет 15—20.

Через полгода я водрузил на фундамент из старых шпал сруб будущей бани. Переложил мхом; кирпичом вывел П-образную топку внутри. На неё — обрезки рельс от узкоколейки и камни, железки. Половицы положил на лаги немного выше уровня зольника, чтобы пол был тёплым.

Позже я привёз бак для горячей воды, сваренный из чёрного железа, и «заворонил» его изнутри — обмазал растительным маслом и нагрел на топке. Масло почернело и образовало устойчивую к воде плёнку. Теперь ржавчины в баке не будет.

Патрон от электрической лампочки через жестяную заворачивающуюся крышку от литровой банки я прикрепил к стене. Банка-колпак легко снимается с лампочки для чистки от неперменного покрытия при топке — сажи.

Первая топка состоялась ещё без готового предбанка; вместо него были развешаны пологи из покрывал. Впрочем, это не никак не сказалось на восхитительном результате, — несмотря на простоту постройки, банная процедура со свежими берёзовыми вениками полностью покорила первых пользователей.

До снега строительные работы были завершены.

В дальнейшем каждую зиму я взял за правило через две недели приезжать в дачный дом и топить баньку с купанием в снегу. И никакие простудные недомогания были мне нипочем! Да и не люблю я проводить выходные в суетливом и душном городе.

— Мишка! Поехали в баньке попаримся, на звёзды посмотрим.

Я зазвал своего одноклассника отдохнуть на природе в новогодние каникулы.

— Ну, уболтал, чертяка! Поехали!

Два с половиной часа в электричке помелькнули незаметно за разговорами и бутербродами под чарочку. Раскрасневшиеся после встречи Нового года в гостях, пассажиры поезда забавлялись тем же.

Полчаса пути по утоптанной снегоходами тропинке — и мы входим в холодную избу.

Заняв моего друга топкой печи, я отправился на ручей за водой. Где-то под снегом, под ледяным куполом булькал и бурлил живой источник ломящей зубы влаги. Недолгие раскопки, несколько ударов топором — и майна воды открылась для наполнения вёдер. Я наполнил ледяной водой бак в бане, открыл отдушину. Лишнюю золу из топки я собрал в совок и подумал: куда — же её бросить? Ветер южный; значит, если бросить золу на северную сторону — она равномерно ляжет и укроет грядки. Сказано — сделано! Зола равномерно закрыла белое поле справа от входа.

Язычок огня от бересты лизнул осиновые дрова, и весь объём баньки с заиндевелыми стенами наполнился едким белым дымом. Он валил из отдушины и приоткрытой двери причудливыми клубами.

Мишка уже вскипятил воду, заложил в кастрюльку рис для похлёбки и подогрел глинтвейн — красное вино с гвоздичкой, корицей и прочими пряностями. Сладкая нега разлилась по телу после принятия горячего напитка. Под мурлыканье радиоприёмника зимняя сказка заполнила горницу с бревенчатыми стенами и заиндевелыми стёклами окон.

После двух подтопок банька была готова; лёгкое покраснение камней в чреве каменки свидетельствовало о том, что баня истоплена. Вода в баке слегка парит. Я загрёб угли, закрыл отдушину и топку, закрыл дверь бани. Закрытая наглухо, она будет выстаиваться часа полтора.

Ночной сумрак опустился на белоснежные крыши домов. Млечный Путь растянулся улыбкой поперёк купола небосклона. Месяц робко несёт свои рожки над стеной тёмного леса за холмом. Мириады звёзд подмигивают друг другу. Изредка падающие звёзды чиркают по причудливым обоям небосвода.

— В городе такого не увидишь, наверное, старик, — Мишка мечтательно пыхнул сигареткой, стоя на веранде.

— Конечно, нет! Для того и выбираюсь я сюда чтоб отдохнуть от суеты. Здесь память о городских заботах как-то архивирруется. Приеду в город и долго вспоминаю о том, что было в пятницу, от чего уехал.

Я слазил на чердак и достал пару пушистых веничков. В них, между берёзовых веток заботливо вплетены стебли цветущей душицы.

— Ну, пора, наверное, — я достал полотенца. — В снег-то будешь сигать?

— Обижаешь! Для того я и приехал сюда.

Зеркало холодной воды в ведре, стоящего в предбанке покрылось лёгким ледком. Я открыл баньку, включил свет и бросил на каменку четверть ковшика кипятка.

— Ты чего это баню выстужаешь? — Мишка оторопел.

— Дурачок! Я из бани выгоняю угар. А тепла нам ещё хватит с лихвой.

Клубы пара и пепла с камней взвились из двери под конёк крыши.

— В первый жар войти — как первача хлебнуть! — хохотнул Мишка.

Половицы в бане приятно обжигали ступни. Лёгкий аромат сажи ударил в нос. Я запарил венички в тазу. Окатив холодной водой лавки и полук, мы расселись. Тепло обволакивало нас отовсюду: стены и потолок отдавали тепло, полученное ими от каменки, пока баня выстаивалась. Через пару минут мы сидели,

словно в скафандрах из горячего воздуха. Лавки уже обсохли. Кончики ушей начали гореть от жара, — как тут не вспомнить об уместности головных уборов, о которых мы позаботились. Взмах руки тут же активировал новые слои сухого жара. Так мы сидели минут десять. Затем отряхнули над каменной веники.

— Ноги парь прежде, чтоб голове легче было.

— Ош-ш-ш! — Мишка нагнулся, пропуская волну горячего пара над головой.

— Ай я-а-ай! — осторожными взмахами я распаривал горящее тело снизу вверх. Недавно ещё влажная, листва веников сохла на лету.

— Я пошёл в снежок! — Мишка окунул свой веник в таз и сиганул за дверь.

Я спрыгнул с полка и подался за ним.

— Ну, что за дела, старик! — Мишка вылез из сугроба. По его телу текли чёрные струйки воды с ошмётками горелого мусора из топки.

Я задохнулся смехом.

— Прости, дружище, я не сказал тебе, что справа грядка с золой а слева — чистая. Впрочем, золой наши предки мылись. Нет худа без добра! Пойдём, я тебя сам попарю.

— Ну, вот. Крещение золой ты прошёл, — я растянул Мишку на полке, поддал парку и приступил к его обработке. От пятток к голове, вдоль и поперек, я просто гонял пар над спиной и хлестал наотмашь. Он кричал и охал.

Раскрасневшиеся, мы окунулись в чистый снежок и присели в предбанке. Кожа горела от прикосновения множества мелких-мелких иголочек.

— А вот случай был, Миш: сагитировал я нынче осенью в баню знакомого из нашей деревни, чисто городской заправки, ванно-душевого типа. Зашли мы с ним в первый пар, сели на полочку. Он тут же сполз на пол: «Жарко, Илюшка!». Как только

я поддал на каменку немного, он лбом дверь выбил и домой к себе сбежал; благо дверь наружу открывается.

Ещё пара заходов, непродолжительное мытьё, мы, раскрасневшиеся, ввалились в избу и в изнеможении плюхнулись на койки.

— Ми-иш, у нас чай заварен?

— Ага! Только сахара нет.

— Ничего, с вареньем попьём.

Невесть откуда взявшаяся бабочка вылетела из тёмного угла и села на матицу под потолок рядом с лампочкой.

Я подкинул дров в печь и бросил на сковородку сосиски.

— Не умею я баню топить наполовину.

— Лепота! — Мишка, закрыв глаза, пребывал в сладкой истоме. Казалось, он не слышит меня.

Сблизившись друг с другом ещё в школе, мы, любители и собиратели современной музыки 1980-х, не расставались и в студенчестве. Балагур и любитель потрепаться, Мишка отлично справлялся с ролью ди-джея на дискотеке. Я же управлялся с техникой. В юности 1970-х мы незримо соревновались в изготовлении домашней акустики, выжимали из усилителей сотые доли процентов искажений. После долгих сидений с паяльником, в наших руках рождались цветомузыки, ревербератор, микшерские пульта. Домашние перезаписи и изготовленная аппаратура успешно эксплуатировались нами в дискотеках на сцене местного Дома культуры. Диск-группа «Апельсин», костяк которой составили я, Михаил и наш однокашник Славка, имела успех в городе.

Единожды разведенцы, мы с Мишкой организованно удрали из города от близких, чтоб услышать безмолвие окружающего деревушку леса, под музыку потрескивания дров в топке закусить привезённым из дома «оливье», поделиться чем-то очень личным и вспомнить нашу славную молодость.

— Лысый, вставай. Стол ломится яствами.

— Сам ты плешивый, — беззлобно огрызнулся мой друг и, крикнув, поднялся с кровати. — Бесспорно, это лучший день в новом году. Я не жалею, что согласился на твоё предложение. Спасибо, старичок!

— За баню спасибо не говорят, а здоровья желают.

— Ну, будь здоров!

— С лёгким паром!

Мы чокнулись и смачно укусили по солёному огурчику.

Идиллия вечерних посиделок у тёплой печки затянулась до полуночи. Нам было о чём вспомнить.

Залезая спать под ватное одеяло, я мысленно представлял себе нашу одинокую избушку с сияющими оконцами среди бескрайних снежных просторов как песчинку, плывущую по бесконечности мироздания.

ДЕНЬ БОРОЗДЫ

Косой сноп раннего света из окна упёрся в бревенчатую стену. Я сладко потянулся. Утренняя зябь лизнула мои обнажённые ступни. Немым фильмом перед глазами пробежали кадры вчерашнего приезда: сумрак вечерней дороги с последней электрички, хлопанье сапог по сырой колее, растопка печи в холодной избе, нехитрый поздний ужин и убаюкивающее потрескивание дров. Печь была ещё теплой. Едва слышно за забором всхлипывал и бурчал поток ручья, несущего воды с близлежащих полей. Я включил чайник и вышел на крыльцо.

Весеннее небо расколосось пополам. Средь дымки в юго-восточной стороне засветилась плешь восходящего светила. Северо-западная половина была густо замалёвана серой пеленой

облаков. Казалось, ночь стягивает своё покрывало, уступая место свету.

Молодая крапивка кучкуется вдоль канавы. На смородине нахохлились почки. Земля ещё влажная и холодная. Однако пора сажать морковь. «Сей в грязь — будешь князь» — это, наверное, про раннюю посадку моркови кем-то подмечено.

Вслед за запахом свежесваренного кофе выплывает из избы Света, моя работяжка-жёнущка.

— Хорошо-то как!

Она поджигает сигаретку и, выдувая дым, обводит взглядом ровные грядки.

— Гроссе орнунг!

Порядок на огороде и полное отсутствие сорняков — её несомненная заслуга.

— Доброе утро! Когда приехали?

Звонкий голос нашей соседки, молодой пенсионерки Тамары доносится с соседнего крыльца. Она приветливо машет нам рукой.

— Поздненько вчера приехали. Электричка запоздала.

Под хлопанье дверей и гомон голосов с соседних фазенд деревня Боковая просыпается.

Все городские постарались выбраться к своим участкам ещё вчера, в пятницу, чтоб сегодня с утра начать приборку на огородах. Дачный сезон открыт, и теперь каждые выходные мы будем выбираться в свои «пампасы» из шумного, пыльного и суетливого города.

Скоро местные обитатели высыпают на свои участки. Разноцветные одёжки мелькают меж заборин. Тамара с граблями наперевес обходит свои владения. Хохотушка Люба, соседка напротив, скликает дочку Женю с внучкой Олюшкой убирать прошлогодний мусор. Я же берусь за лопату и иду копать грядку под морковь.

За работой время летит незаметно. Сырая земля ещё тяжела. Афонасий Михалыч, местный житель, вышел встречать с утреннего поезда свою родню.

— Вот ведь, Света твоя молодец. Какой порядок у вас, — сильно окая, опершись на посох, говорит он, остановившись за забором.

Раньше местные старухи судачили, что Афоня — колдун. Наверное, потому, что его небесно-голубые глаза совершенно не вяжутся с внешностью невысокого, щуплого сельского мужика. Назло всем слухам Афоня их пережил, и канули в лету старушечьи сплетни и ярлыки «за глаза».

— Здорово, Михалыч. Кого встречаешь?

— Зойка хотела приехать да Света. Может Сергей их привезёт.

Из-за леска послышалось урчание мотора, и вскоре к Афоному дому подрулила «Нива». Зять Серёга привёз из города жену Афони Зою Ивановну и дочь Светлану.

Шумные приветствия приезжих звучат из-за заборов и скоро все дачники возвращаются к начатым делам.

Жена на веранде перебирает бумажные кульки с семенами. Я почти закончил копать грядку, когда мне в спину ударил резкий порыв ветра. С севера, из-за холма надвигалась чёрная туча. Подминая собой холодный ветер, она стремительно заволакивала небосвод. Небо вспыхнуло загогулиной молнии, и раскат грома закрепил серьёзность намерения стихии. Лесные ели кряхтели и скрипели под напором ветра.

Дождь начался внезапно, выгнав под навесы всех тружеников. Канава вдоль огорода вмиг напыжилась бурным потоком. За стеной ливня уже не было видно дальних домов. Молнии подсвечивают водяной занавес. Гром иногда заглушает мурлыканье радиоприемника в углу веранды.

Ливень бушевал более часа. За это время мы со Светой успе-

ли попить чайку и приготовить ингредиенты будущего обеда.

Дождь прекратился так же внезапно, как и начался, оставив за собой матовый туман на поле брани. Небо посветлело. Выглянуло солнце. Туча удирала за горизонт, неся за собой радугу, как расправленный павлиний хвост.

Весь огород рыдал остатками ливня. Земля набухла настолько, что невозможно было ступить, не провалившись в полсапога. О продолжении землеустройства и сева сегодня не могло быть и речи. Лишь лужайка перед Тамариным домом радостно искрилась мокрыми травинками.

— Ну, что приуныли? — оптимистка Тамара поднялась к нам на веранду. — Люблю грозу в начале мая... Чего делать-то будем?

— Остаётся только отдыхать, — я пожал плечами.

— А давайте-ка устроим День борозды!?

— Как это?

— Расставим у меня на лужайке столы, закуски принесём своей и будем веселиться. Ведь мы всю зиму друг друга не видели.

Отражением в бочке солнце одобрительно подмигнуло соседке.

— А почему именно День борозды?

— Темнота! Раньше праздник первой борозды было одно из самых массовых мероприятий на селе, связанных с началом весенне-полевых работ. Мы — земле, земля — нам! Не отметишь День борозды — урожая не будет.

Предложение было разнесено по дворам и одобрено единогласно.

Солнце стало припекать. На лужайке установили три стола; я принёс из бани лавки. Скоро стали подтягиваться с кулками и участники мероприятия.

— Илья, сходи-ка к Зое за посудой. У меня на всех не хватит.

Тамара постелила на столы старые клеёнки.

Афоня был уже изрядно «под газом». Он, пошатываясь, подошёл ко мне вплотную и, глядя на меня снизу вверх, как-бы шутя, но очень серьёзно заявил:

— Пи...дюлей хошь? Ща-ас налома-аю! — протянул он и картинно погрозил мне пальцем.

Время, пока шёл дождь, было потрачено им не бесцельно.

Светка взорвалась залиvistым смехом:

— Идём, сейчас стаканы достану.

Она сунула мне в руки кастрюльку с варёной картошкой.

Неутомимый трудяга Игорь, главный электрик на селе, подошёл к столам со своей женой Верой Степановной. Вечно торчащая в парниках, она не раз удивляла нас исполинскими размерами выращенных ею перцев.

Люба с роднёй принесли холодные шашлыки и самогонку. Из овощных ям были извлечены на белый свет прошлогодние заготовки.

Афони́на дочь Светка, женщина улыbчивая, добрая и настолько же толстая, с жареной рыбой на сковороде, выплыла из-за угла.

Серёга прогремел стеклопосудой в кулке.

Афонасий Михалыч, чинно, под руку с женой, подошёл к столам.

С миру по нитке — и столы уже ломаются нехитрыми яствами. Скоро закуска была порезана, и веселый гомон под звон стаканов воцарился над застольем.

Большинство сидящих не утруждали себя переодеванием, они пришли в одеждах, которые надевали для работы на грядках: трико с вытянутыми коленями, кофты местами без пуговиц, боты со сломанными замками. Старик Афоня был в мятом костюме поверх выцветшей рубашки, застёгнутой до верхней пуговицы.

Под стук вилок Вера Степановна с Тamarой уже обменивались планами огородных работ на завтра.

Захмелевшая Зоя Ивановна, в подпитии зачастую не стесняясь в выражениях, судачила Любе:

— Ну что за человек этот Антоныч! Ты видела, чтоб он дрова заготавливал? А дым-то из трубы идёт! Вот!

До всех жителей деревни у Зои интерес да колкое словцо найдётся.

Мы с Серёгой травили неприличные анекдоты под залихватский смех Светланы.

— Вот цветёт калина-а в по-о-ле у ручья... — затянули песню Зоя с Любой.

Тамара с Верой Степановной подхватили хор.

По улице мимо лужайки прошли с дневной электрички жители соседней деревни Мутная. Они радостно всех поприветствовали и направились дальше, к мосту.

Серёга метнулся к машине и, через четверть часа она уже стояла поодаль с открытым багажником. Динамики надрывались танцевальной музыкой. Захмелевший народ под музыку уморительно утапывал ботами лужайку.

Дождавшись медляка, Афоня поправил пиджак и чинно пошёл к моей жене Свете. Высокая и субтильная, она всегда стеснялась своего телосложения, но от предложения старика отказать было нетактично.

Невысокий Афоня тщетно пытался прижаться в танце к Светлане, она же молча, смущённо краснея, отстранялась. Рядом вращался Игорь со своей супругой.

— Ты почто старика забижаешь? Нехорошо, — слегка возмущённо вымолвил Афоня, завершая круг.

Танцоры вернулись к столу и веселье продолжилось. Тамара заварила чай с травками. Света принесла прошлогоднее варенье.

Через пару часов застолье ненадолго поредело — народ отвлёкся затопить свои баньки. Из труб к небу взметнулись столбики дыма.

Афоня с Зоей ушли спать. Вслед за ними скромно удалились Игорь с Верой Степановной.

Серёга, размашисто жестикулируя рассказывал мне про рыбалку на Нижнем Луху; наши барышни, понизив голос, перешли на темы личные, человеческие.

Наконец, наговорившись вдоволь, и барышни стали разбредаться.

— Ну, за удачу! — мы с Серёгой чокнулись.

На сегодня застолье завершено.

Солнце близится к закату. Над ним зависло золотистое облачко, будто шляпа на колобке. Скоро в баньку. Столы разобраны и над лужайкой на их месте столбиком выются мошки, предвещая на завтра ясный день.

Утром без лишнего шума все вывалились на грядки. Я не спеша подготовил гряду и передал земляные полномочия жене.

Время в работе пролетело незаметно. Начав собираться на обратную электричку, я подошёл к Свете со спины. Разбивая бороздки и закладывая в них семена, она что-то мурлыкала себе под нос.

— Весело тут у вас.

— Да, я с морковкой разговариваю и пою, — пояснила жена, — любят семена такое обращение. С лаской посадишь — хороший урожай соберёшь, — она закончила первый рядок.

— Полчаса до выхода на электричку осталось; ты уж успевай, пожалуйста.

Второй рядок морковки был посажен ею быстрее и без уже песен. Не берусь судить о влиянии песен на посадки; но, сильно забегая вперед, могу ответственно засвидетельствовать, что морковь в ряду, посаженном с лаской, родилась ровная

и упитанная — как на подбор. Большинство корнеплодов из соседнего ряда, обиженных вниманием, были, в основном неправильной формы, кривые и мелкие.

Может быть, вовсе не посадки, а земля приняла ласку огородника?

Как мы земле, так и земля — нам!

БАЙКИ**ДАВЛЕНИЕ НЕВАЖНОЕ**

Белкин — мой друг. В юности — балагур и весельчак, игрун на гитаре и гармошке, он до сих пор вызывает восхищение у женщин, хотя и крепкий семьянин. Теперь — пенсионер, он в юности служил на флоте; отсюда его выправка и неизменный треугольник тельняшки на груди под рубашкой.

Я живу недалеко и периодически вытаскиваю его прогуляться вечером. При его теперешнем здоровье, точнее нездоровье, прогулки полезны. Давление скачет, кишки болят, слышит плохо уже ...

Сверкая очками, он вырывает из-за киоска на остановке и подходит ко мне.

— Здорово!

— Белкин, да ведь ты моряк?

— Конечно! Не то, что прочие: наберут курей на флот! — он важно поправляет уголок тельняшки на груди.

— А барометр у тебя дома есть?

— А как же! Обижаешь! Флотский! Румпель тебе под киль!

— Так какое сегодня давление?

Он немного грустнеет:

— Неважное. Вот жена мне померяла: 160 на 100...

ПЕРВОЕ АПРЕЛЯ

Сегодня — первое апреля. Особенное желание разыграть кого-то с утра терзает душу.

По роду работы я получаю расшифровки междугородных телефонных переговоров у себя в конторе, то есть кто, когда и в какой город звонил. Корпоративное требование — чтоб исключить излишние затраты, у нас в конторе был выпущен Приказ № 65, который запрещает междугородные звонки в личных целях. Деловые звонки заносятся в журнал. Контроль возложен на службу связи, то есть на меня.

Я достал расшифровки с телефона Лены — системного администратора, исправил Суксун на Сингапур и распечатал.

Хохотушка Лена на своём рабочем месте подпиливала ногти.

— Лена, у тебя есть родственники в Сингапуре? — очень серьёзно спросил я.

Она чуть не свалилась со стула от смеха.

— Или поклонники?

Смех трансформировался в истерику:

— А почему, собственно интересуетесь?

— С твоего телефона зафиксирован звонок в Сингапур 25 марта в 15.46 длительностью 4 минуты. Вот расшифровка.

Улыбка сползла с её лица.

К диалогу стали прислушиваться сослуживцы.

— Я никуда не звонила.

— Лена, ты же знаешь требования Приказа № 65. Где журнал? Там нет твоего звонка! Как так?

— Я в никакие Сингапуры не звонила, — раздражённо протянула Лена.

— Может кто-то в твоё отсутствие воспользовался телефоном?

— Я постоянно нахожусь на рабочем месте. Никто не звонил, — сквозь зубы выдавила Лена. — Кто тебе впарил эту туфту? — краска схлынула с её лица.

— Не впарила, а предоставила ... Наталья из бухгалтерии.

Рука её упала на телефонную рубку и Лена стала судорожно набирать номер бухгалтерии.

Я понял, что пора спасать непричастных и положил свою руку поверх ее.

— Лена! Какое сегодня число?

У меня было ровно пять секунд чтоб ретироваться... вслед за мной в дверь полетели папка, степлер, карандаши под истеричный смех сквозь сухие слёзы...

— Убью!

На сегодня тропа в её кабинет мне была заказана.

ПРОТИРКА ОПТИЧЕСКИХ ОСЕЙ

Гости вчера разошлись за полночь. Понедельник хорош уже тем, что позволяет критически оценить своё вчерашнее состояние. Голова не на месте. Глаза не хотят открываться полностью. Весь организм протестует против раннего отрыва от подушки. Последняя рюмочка вчера была лишней.

Я вышел из своего КБ* в коридор и осторожно проскользнул в проём противоположной двери, на которой красовалась вывеска «Магнитная лаборатория».

Запах свежемолотого кофе ударил в нос.

Хозяйка сектора, фигуристая хохотушка Светка — моя одноклассница по «альма-матер». Мы — физики университетского выпуска, только разных годов. Она гордо восседает между аналитическим столом с кучей приборов и увесистыми установками для намагничивания.

— Плохо выглядишь, дружок. Что, весело вчера было?

* Конструкторское бюро.

— Угу! Светка! Только ты можешь стать мне эскулапом сегодня. У вас в Центральной заводской лаборатории спирт выдают на хозяйужды. Сходи, пожалуйста! Всего сто грамм, — и я вынесу свой трупный запах из твоего сектора.

— Так по записи же дают-то. Мне надо будет что-то правдоподобное в журнале записать.

— Умоляю, сходи! А что в журнале записать — придумаем. Я пока кофе тебе заварю, — заискивающе промямлил я.

— Ну, уболтал, чертяка. Жди.

Десять минут показались мне вечностью. Кружка с заваренным кофе на Светкином столе медленно отдавала клубы пара в пронизанное Теслами и Веберами* лабораторное пространство.

Наконец дверь скрипнула и Светка явилась на пороге с журналом под мышкой и колбой Бунзена, наполненной живой влагой.

Разбавление напитка много времени не заняло. Светка великодушно пожертвовала мне часть кофе... глаза стали открываться... похорошело ...

— Таки что мы запишем в журнал? — вопрошала хозяйка сектора.

— Пиши, — мечтательно продиктовал я: — «Получено сто грамм спирта для протирки оптических осей баллистического гальванометра»**.

— Убедительно, — Светка захлопнула журнал.

Завлаб Светлана Георгиевна довольно хмыкнула и подписью в журнале засвидетельствовала своё удовлетворение расходом стратегической жидкости.

* Единицы измерения магнитной индукции.

** Устройство, использующее для измерения отклонение светового луча, дважды отраженного от подвижного зеркала.

По довольному виду Светки при возвращении в сектор я понял, что всё прокатило, и вопрошал Светлану:

— Свет, ну ты, физик, что-то поняла о записанном в журнале? Какие на хрен оптические оси?

Она начала синеть и медленно надуваться ...

— Ну-ну, успокойся! Никто ж ничего не понял. Химики не разумеют физических дисциплин... — сказал я.

Наконец-то она улыбнулась.

— Паразит! — Светка горько расхохоталась.

В течение рабочего дня мы со Светланой ещё не раз сталкивались в коридоре и каждый раз хохотали под недоумённые взгляды проходящих сослуживцев.

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ ОТЦЕ

«...Пой, скворушка! Гори, моя лучина! Свети, звезда, над путником в степи!»

Обидно и горько, что очень рано догорела лучина жизни поэта и историка, балагура и выдумщика, художника, страстного рыболова и охотника, интеллигента и крепкого семьянина — моего отца, Алексея Михайловича Домнина.

Родился Алексей Михайлович в 1928 году в городе Пенза, учился в школе № 47 в Перми, закончил историко-филологический факультет Пермского госуниверситета. Здесь же женился. Его наследие — повести и рассказы, стихи, статьи, переводы известны многим читателям. Весьма весомым, на мой взгляд, произведением является поэтическое переложение «Слова о полку Игореве» — исследование, начатое ещё его отцом Михаилом Константиновичем. Ничего удивительного, что Алексей Михайлович выбрал профессию литератора и историка. Достаточно перечитать пролог к его повести «Матушка-Русь»; с какой любовью он вспоминает о своём отце, его увлечённостью историей Руси и становится ясно, что он посчитал своей обязанностью завершить дело, начатое Михаилом Константиновичем.

Я не очевидец событий папиной молодости, а могу лишь извлечь из памяти наиболее яркие моменты жизни в бытность своего сознательного существования. Попробую освежить воспоминания взглядом, так сказать, с изнанки.

Весельчаком и шалуном отец был с детства. Досталось, наверное, шороху в его воспитании матери, нашей бабушке Наталии Яковлевне. Женщина простая, но строгая, в прошлом

учительница, она половину населения Мотовилихи приняла на руки, когда работала после войны акушеркой в Грачёвской больнице. Примером для отца был старший брат Виктор, жизнь которого сожрала война на Невской Дубровке под Питером.

Уже учась в университете, отец мог запросто сочинить озорные частушки на социально-бытовую тему с марксистско-ленинским уклоном.

* * *

*Эх, тётушка моя,
Матушка Лукерья.
Первично сознание,
Вторична материя.*

* * *

*Как у тётки Марфы в п...не
Разорвалась клизма.
Призрак бродит по Европе,
Призрак коммунизма.*

Человек честный и прямой, он мог публично отвесить пощёчину хаму и гордецу. Неунывающий и лёгкий на подъём, человек разносторонних интересов, простой и увлечённый; в этой бешеной оболочке помещался любящий муж, заботливый отец и отзывчивый сын. Порою меня тянет поделиться своим успехом с по-настоящему близким человеком, а не с кем уже.

По себе теперь уже знаю, какво поднимать троих детей. Нас, детей Домниных, трое: сёстры — Лена, старше меня на 5 лет, и Наташка, — на 15 минут. Авторитетом в обеспечении и воспитании была всегда наша мама, Тамара Сергеевна. Увы, доходы литератора невелики и крайне непостоянны. Скромный достаток семьи не позволял шиковать, но мы, дети, всегда были одеты, обуты и сыты.

День на день не приходится; отец порой пропадал по редакциям, на радио и телевидении, где писал тексты к документальным фильмам, в театре Юного зрителя и Кукольном театре, где писал стихи к спектаклям. Вечером он запирался в кабинете и творил. Уходя утром в школу, мы заставляли отца крепко спящим в своём прокуренном кабинете после всенощного сидения за рукописями и печатающей машинкой.

Дом наш всегда был полон гостей, главным образом — «старая гвардия» писателей: Лев Кузьмин, Владимир Воробьёв, Лев Давыдычев, Авенир Крашенинников, Андрей Ромашов. Частыми гостями были артисты ТЮЗа, режиссёр документального кино Михаил Заплатин, литераторы Перми, художники Пётр Оборин и Александр Зырянов. Бесчисленное количество творческих споров выслушали и выдержали стены кабинета Алексея Михайловича.

Мало кто знает, что персонаж Капризки, героя сказок Владимира Воробьёва, придумала наша мама. Однажды, укладывая нас с Наташкой спать, она громко и строго сказала: «Где этот Капризка? А ну гоните его прочь и — спать!» Владимир Иванович услышал это, и сказочный герой обрёл своего творца.

Зачастую мы, домашние, становились первыми читателями рукописей соратников отца по перу — это и стихи Кузьмина, и «Капризка — вождь ничевоков», «Царь-рыба» Астафьева и множество других.

С бурной радостью отец встретил наше с сестрой начинание — мы с Наташкой, едва научившись писать, подражая папе, написали первые рассказы из двух-трёх предложений. «Два тигрёнка играли в шашки. Выиграл старший тигрёнок. Младший заплакал, а старший утешил его конфеткой». Папа отпечатал на машинке маленькие книжки, и мы украсили их рисунками. То-то радости было показать книжки родным и знакомым!

Застолья с друзьями отца по праздникам и по поводу никогда не обходились без искромётного юмора и подковырки в стихах.

Мне было лет уже лет 13; в двери нашей квартиры сломался замок. Мои неуклюжие попытки починить привели лишь к его поломке. Назавтра у нас случился какой-то праздник с гостями. Папа вручил нам с Наташкой текст частушек и просил его озвучить для гостей. Мы завесили дверной проём простынёй и с настоящими дарёными куклами из кукольного театра — волк и собака — сыграли:

*«Мы — Висимские робята
Говорим среди зимы:
Говорят, что счастье в детях,
Значит счастье — это мы.
В книжках мы собаку свели,
Нам науки — пустяки.
Потому в квартире нашей
Переломаны замки.
Шик — усы у дяди Саши,
Мы завидуем усам.
Пусть по ним течёт сегодня,
Ну а что, — он знает сам!»*

Летом, в пору отпусков, отец снимал где-то в глуши, вдалеке от города деревенский домик, где мы всей семьёй проводили 2—3 недели. Крепко запали мне в память Баранята. Нам с Наташкой было лет по шесть. Здесь мы пили парное молоко с толокном, ходили по грибы и ягоды, пытались ловить в ручье «сомиков» (пескарей) на загнутый гвоздик с дохлой осой на острие. Надев вывернутый наизнанку старый тулуп, мы подкрадывались к пасущимся по соседству ягнятам. А вечером

мы наблюдали, как на фоне закатного солнца кони запросто перемахивали через плетень на краю овсяного поля. Однажды, переходя ручей, Наташка наступила на корягу. Коряга сыграла как рычаг, и из грязной лужи меж кочек вынырнуло что-то чёрное и чавкающее. Полуденную знойную тишину рассёк жуткий вопль: «Спасите, крокодил!!!».

Почти всегда в нашем доме были собаки. Предмет гордости — лайка Путик, потомственный оленегон. Он был привезён отцом из Салехарда.

Уже другим летом в Молёбке (той самой, с природными аномалиями и странностями) мы отправились всей семьёй на Змеиную горку. Увидав на противоположном склоне распадка мирно пасущееся стадо, Путик счёл своим долгом удрать на поляну к коровам. Нашему вниманию был представлен процесс сбора скота в кучу, как собирают на севере оленей. Большой круг, поменьше... Когда всё стадо предстало мычащей кучей и ощерилось рогами на мохнатого помощника, Путик, не обращая внимания на матерившихся пастухов и брехающих вокруг псов, с гордостью помочился на кустик и с чувством выполненного долга и прибежал к нам.

Охота — особое пристрастие Алексея Михайловича. Ей он увлёкся ещё с юношеской поры. Трудно найти, наверное, место в Пермской губернии где бы он не побывал со своим лучшим другом и напарником Андреем Ромашовым. «Зайцы...» и «Сижу с женой, пью чай ...» — так начинаются множество баек, сложенных отцом на тему лесных походов.

«Однажды, — рассказывал нам папа, — я чуть не замёрз в лесу; сил не осталось дойти до вокзала. Сел в снег под ёлку и стал забываться. А как подумал, что завтра кому-то надо Илюшку с Наташкой поднимать, одевать и в садик везти — под-

няла меня какая-то неведомая сила и заставила дальше идти».

Виктор Астафьев писал про отца: «Есть у меня друг, что на охоту выйдет за околицу и сразу садится пить чай...». Костерок, котелок, смородинка в чай — традиционная церемония в каждом его походе. На дальних кордонах и чекушечка порой выныривала из рюкзака. Запасшись папироской, отец начинал долгую беседу с напарником под аккомпанемент птичьих трелей из ближайшего леса.

Меня папа стал таскать с собой по лесам лет с тринадцати. Постепенно его страсть к таёжному бродяжничеству привилась и мне. Порой, сiju у костерка с кружкой чая; дежурный солист — рябчик выводит свою трель на взгорке и вспоминаются походы на моховые болота за брусникой и клюквой всем семейным гамузом. Батя говорит мне: «Илюшка, пока наши ягодіцы (читай — ягодницы) собирают урожай на болоте, мы во-о-н там, на вырубке косачика проверим». И я с рюкзаком за спиной вторил быстрой отцовской походке.

Не только грибы и ягоды представляли интерес для Алексея Михайловича в лесу. Одному ему ведомым взглядом он усматривал в причудливых изгибах веточек или корней, деревянных наростов будущие персонажи. Принося домой заготовки, он садился за инструмент и в его руках обработанные корни оживали в бородатого старика, балерину, чёрта или одноногого пирата. Обычный поперечный спил берёзы, оказывается, таил в себе лик Мадонны с ребёнком на руках. Что не нарост — то пепельница или ваза.

Отец обладал удивительным умением видеть материал вглубь. Стол с основой из узловатого корня, винторогий торшер, полочки его кабинета были уставлены разнообразной деревянной фантазией. По этому поводу художником и близким другом папы Петром Артемьевичем Обориным было написано полотно — портрет отца на фоне его поделок. Иногда почётному

гостю нашего дома доставался в дар редкий экспонат деревянного музея.

Стены папиного кабинета занимали картины, написанные собственноручно. Акварель, пастель и масло; все они изображали природные пейзажи.

Художественные увлечения Алексея Михайловича не ограничивались деревянной скульптурой и живописью. В его коллекции были привезённое из далёких поездок множество камней: малахиты и агаты, яшма и селенит. Камушки были привезены из дальних поездок по Уралу или подарены многочисленными друзьями-геологами. Привязанность к минералам передалась и Наташке. Она стала геологом. Биологии себя посвятила старшая сестра. А я — как увлёкся радиолюбительством в юности, так и связал себя с физикой и электроникой. К чести наших родителей, все мы — дети Домнины — получили университетское образование.

В команде с известным краеведом Сергеем Афанасьевичем Тороповым мы сплавлились по реке Чусовая. Здесь, на стоянках Сергей Афанасьевич вещал нам об освоении Чусовой, истории камней и особенностях исторической зоны. Отец сочинил гимн нашего понтона, который мы исполняли под гитару у костра:

*... Мы плавали мултыча, веслою в воду тыча,
И песенку мурлыча над бурною волной.
Лядащий, кострубатый, немытый и зубатый,
Немытый и зубатый, солощий и мордной.*

*...
Весёлая, живая, струится Чусовая,
Туристов зазывая в суровый край лесной.
Лядащий, кострубатый, немытый и зубатый,
Немытый и зубатый, солощий и мордной.*

Заковыристые словечки гимна взяты из Коми-пермяцкого эпоса: мултычить — грести; кострубатый — косматый; солощий — любящий поест и так далее.

Пристальный интерес и предмет гордости для Алексея Михайловича составляло происхождение нашей фамилии. Изучению истории фамилии он посвятил многие часы сидения в архивах будучи в творческих командировках.

Не раз он затаскивал меня к себе в кабинет и начинал беседу с вопроса: «Илья, ты понимаешь что ты здесь последний из рода Домниных? Тебе непременно нужно будет занять сыновей, чтоб род наш не прервался». Семейная легенда гласит, что Стенька Разин спутался с девкой Домной и пошли Домнины дети.

Исследования, произведённые отцом, показали, что в Нижегородской губернии есть город Лысково, под ним городок Макарьево и там же деревня Домнино. Здесь и находятся корни фамилии. Вот только Стенька Разин здесь не был, но один из его воевод действительно путался с девкой Домной. Наш пра-пра-прадед Домнин был в Макарьево городским головой. Этому факту имеется убедительное доказательство в семейном архиве — старинная фотография с красной сургучной печатью. Хочется думать, что и мои сыновья проникнутся гордостью за свою фамилию и обеспечат преемственность поколений нашей фамилии.

«Блёкнут в памяти встречи и даты ... ». Но пока ещё живы в нашей памяти яркие моменты жизни рядом с отцом, хочется, чтоб грядущие поколения знали его не только по изданиям, но и как интереснейшего творческого человека, общительного и доброжелательного собеседника, увлечённого и разностороннего творца, любящего и любимого мужа, отца и деда — Алексея Михайловича Домнина.

Илья Алексеевич ДОМНИН

Родился 6 июля в 1959 году в городе Пермь. Окончил Пермский государственный университет по специальности «физика» (1981), после чего открыл свою трудовую биографию на Пермском телефонном заводе «Телта».

Увлекается охотой, рыбалкой. Настоячивая потребность изложить свои впечатления и воспоминания в литературной форме пришла в 2011 году.

Регулярно печатается в российских периодических изданиях («Российская Охотничья газета», проза.ру), в течение ряда лет — один из постоянных авторов литературно-художественных периодических изданий в Пермском крае (альманах «Литературная Пермь», газета «Пермский писатель»). Работает в различных жанрах прозы. Живёт в городе Перми.

СОДЕРЖАНИЕ

Рассказы

Музыка тока	5
С легавой по вальдшнепу.....	10
Случайный трофей.....	15
Чанита	17
Таинственный Ник	22
Буря в лесу	28
«Угол лешего»	32
Симфония для пищика.....	40
Сыра	45
Последний дуэт	56
Перехитрил!.....	60
На весенней тяге	61
Весенний налим	64
Ранние деликатесы	68
Наука на конце коромысла.....	71
Лёгкий пар по-чёрному	75
День борозды.....	81

Байки

Давление неважное	89
Первое апреля	89
Протирка оптических осей.....	91

Очерк

Воспоминания об отце	94
----------------------------	----

Литературно-художественное издание

антология
пермской
литературы

том 23

Илья
ДОМНИН

МУЗЫКА ТОКА

избранное

Публикуется в авторской редакции.

Автор проекта *В. Якушев*
Дизайн серии, вёрстка *С. Неведомская*

ISBN 978-5-9500749-4-3

9 785950 074943

Пермская краевая общественная (профессиональная)
организация Союза писателей России,
ПКОО «Пермский писатель»
г. Пермь, ул. Сибирская, 30. permsprossii@rambler.ru

Подписано в печать 05.12.2017 г. Формат 60х90 1/16.
Бумага ВХИ. Гарнитура «NewtonC».
Печать офсетная. Тираж 100 экз. Заказ № 7053.

Отпечатано в соответствии с предоставленным
оригинал-макетом в ООО «Универсальная
типография «Альфа Принт».

«Голубые цапли (Тишина. Август)».
1979 г. — работа члена Союза
художников России
Константина Собакина.

23

антология
пермской
литературы

16+